

ЦЕРКОВНЫЯ ВѢДОМОСТИ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА,

ИЗДАНИЕ ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ДУХОВНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: безъ доставки на годъ 3 р. 50 к., на полгода 2 р., на 3 мѣсяца 1 р., на 1 мѣсяць 40 коп., съ доставкой и пересылкой на годъ 4 р. 50 к., на полгода 2 р. 50 к., на 3 мѣс. 1 р. 30 к., на 1 мѣс. 50 коп.

ОТДѢЛЬНЫЕ №№ по 10 копѣекъ.

№ 6.
6-го ФЕВРАЛЯ
1883 ГОДА.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ: Донская улица, домъ Рязноложеской церкви, квартира протоіерея Виктора Петропавловскаго.

ОБЪЯВЛЕНІЯ ПРИНИМАЮТСЯ за строку, или мѣсто строки за одинъ разъ 10 к., за 2 раза 18 к., за 3 раза 24 к.

СОДЕРЖАНІЕ: Рѣчь въ день столѣтней годовщины рожденія Филарета, митрополита Московскаго, сказанная на торжествѣ въ Московской духовной семинаріи, въ воспоминаніе его управленія семинаріею, инспекторомъ оной А. И. Цвѣтковымъ. Воспоминаніе о митрополитѣ Филаретѣ, прочитанное на томъ же торжествѣ, преподавателемъ семинаріи, И. Е. Любимовымъ. Чествованіе памят. В. А. Жуковскаго въ Петербургѣ и Москвѣ. Девятое собесѣдованіе со старообрядцами въ семинарской церкви о членѣхъ просфоръ на проскомидіи. Внутреннія извѣстія. Иностранное обозрѣніе. Замятки и сообщенія о печати. Извѣстія и замятки. Бесѣда съ старообрядцами въ семинарской церкви. Воспоминаніе объ умершемъ священникѣ В. И. Виноградскомъ.

РѢЧЬ ВЪ ДЕНЬ СТОЛѢТНЕЙ ГОДОВЩИНЫ РОЖДЕНІЯ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННАГО ФИЛАРЕТА МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО, СКАЗАННАЯ НА ТОРЖЕСТВѢ ВЪ МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРІИ, ВЪ ВОСПОМИНАНІЕ ЕГО УПРАВЛЕНІЯ СЕМИНАРІЕЮ, ИНСПЕКТОРОМЪ ОНОЙ А. И. ЦВѢТКОВЫМЪ.

26 декабря прошлаго 1882 года исполнилось сто лѣтъ со дня рожденія бывшаго Московскаго митрополита, высокопреосвященнѣйшаго Филарета. Проникнутая глубокимъ уваженіемъ къ его памяти, Московская паства, и во главѣ ея Московское духовенство, рѣшились почтить столѣтнюю годовщину рожденія великаго іерарха особымъ торжествомъ воспоминанія о его великихъ заслугахъ.

Вліяніе высокопреосвященнаго Филарета на Московскую семинарію началось гораздо ранѣе, чѣмъ на Московскую паству, ранѣе, чѣмъ онъ сдѣлался Московскимъ архипастыремъ. Можно сказать, что Московская семинарія была принята съ одра рожденія и повита имъ. Можетъ ли она послѣ того не принять участія въ общемъ торжествѣ воспоминанія о немъ? Можетъ ли пренебречь случаемъ оживить и напечатать въ памяти учащагося поколѣнія дѣла его плодотворнаго управленія семинаріею, и благодѣянія, оказанныя ей великимъ іерархомъ?

Московская духовная семинарія, съ настоящимъ ея учебнымъ строемъ, т. е. съ поставленными во главѣ преподаванія курсами словесности, философіи и богословія, сопрягаемыхъ вспомогательными курсами наукъ историческихъ, математическихъ и древнихъ языковъ, вмѣстѣ съ другими семинаріями Московскаго учебнаго округа, учреждена была «коммиссіею духовныхъ училищъ» въ 1814 году, и первоначально на Перервѣ, на мѣстѣ старинной, учрежденной съ 1775 года Перервенской семинаріи, — и уже чрезъ годъ по ея основаніи, именно въ 1815 году, Филаретъ, бывший въ то время ректоромъ Санктпетербургской духовной академіи и архимандритомъ, прибылъ въ Московскую семинарію на Перервѣ въ качествѣ ревизора, осматривалъ, изучалъ и руководилъ ее.

Какія послѣдствія имѣла эта ревизія? Положеніе Московской семинаріи на Перервѣ было весьма неблагопріятно. Въ училищномъ зданіи, въ стѣнахъ Перервенскаго монастыря, имѣли помѣщеніе только казеннокоштные воспитанники семинаріи. Сыновья Московскаго духовенства, не поступившіе въ училищное обще-

житіе, принуждены были нанимать квартиры у крестьянъ Перервенской слободы. Помѣщеніе ихъ по необходимости было тѣсно и грязно, и не представляло никакого удобства для занятій. Равно и жизнь въ тѣсномъ училищномъ зданіи, въ стѣнахъ монастыря, казалась для дѣтей Московскихъ священниковъ слишкомъ тяжелою по своему однообразію и по скученности множества учащихся. Посему многіе воспитанники подолгу проживали въ Москвѣ у своихъ родителей, не являясь на Перерву и не посѣщая уроковъ. Такое положеніе вызывало съ одной стороны — исключенія воспитанниковъ изъ семинаріи, съ другой — неудовольствія и жалобы духовенства. Были и другія неудобства помѣщенія семинаріи на Перервѣ, напр. по продовольствію воспитанниковъ. Ревизоръ архимандритъ Филаретъ принялъ къ свѣдѣнію эти темныя стороны Перервенской семинаріи, и вѣроятно уже въ то время составилъ у него мнѣніе, что лучше было бы перевести семинарію съ Перервы въ Москву. А нѣсколько лѣтъ спустя, сдѣлавшись Московскимъ архипастыремъ, онъ тотчасъ же и привелъ это въ исполненіе.

Еще въ 1818 году по случаю перестройки училищнаго дома въ Занкопасскомъ училищѣ Коммиссія духовныхъ училищъ спрашивала Московское епархіальное начальство о томъ, «удобно ли вообще размѣщенныя духовныя училища въ Московской епархіи?» Вопросъ этотъ въ то время не имѣлъ никакихъ послѣдствій. Но когда въ 1821 году призванъ былъ управлять Московскою епархіею архіепископъ Филаретъ, онъ, будучи уже знакомъ съ неблагопріятными условіями Перервенской семинаріи, вскорѣ возвратился къ этому вопросу, и 14 января 1822 года, ссылаясь на него, далъ Московскому духовенству слѣдующее, достойное вниманія и благодарности, предложеніе: «Вопросъ сей въ свое время не произвелъ никакихъ особенныхъ послѣдствій. Но какъ усмотрѣно коммиссіею духовныхъ училищъ, такъ и на мѣстѣ усматривается, что онъ требуетъ осмотрительнаго рѣшенія. Помѣщеніе Московской семинаріи на Перервѣ имѣетъ преимущество уединенія. Но помѣщеніе сіе неудовлетворительно. Комнаты для классовъ недостаточны. Столовая такъ недостаточна, что ученики, садятся за столъ въ два пріема, смѣняя одни другихъ. Деревянный домъ въ монастырѣ, по отзыву семинарскаго начальства, неудобенъ для надзора. Монастырь тѣсенъ, и пристройки мѣшаютъ съ трехъ сторонъ неудобныя мѣста, а съ четвертой —

селеніе и чужая земля». Такимъ образомъ указывая на неудобства помѣщенія семинаріи на Перервѣ, высокопреосвященнѣйшій архипастырь, хотя не указываетъ опредѣленно лучшаго для нея помѣщенія, тѣмъ не менѣе продолжаетъ такъ: «Помѣщеніе семинаріи въ Заиконоспасскомъ монастырѣ представляетъ особенную удобность для дѣтей Московскаго духовенства: но не обѣщаетъ довольно простора, подвержено опасности разбѣнія и сопровождается новымъ затрудненіемъ—въ размѣщеніи низшихъ училищъ. Дабы въ дѣлѣ, столь обоюдномъ, открыть то, что наиболѣе сообразно съ пользою воспитанія и съ удобностію воспитывающаго дѣтей духовенства, нужнымъ признается изъ начальниковъ училищъ и изъ духовенства Московскаго составить комитетъ для разрѣшенія вопроса объ удобнѣйшемъ размѣщеніи Московскихъ духовныхъ училищъ. Комитетъ сей по изслѣдованіи предмета дастъ мнѣ обстоятельный отвѣтъ».

Такъ поднятъ былъ вопросъ о перемѣщеніи семинаріи съ Перервы въ Москву. Московское духовенство было много обрадовано намѣреніемъ его высокопреосвященства. Тотчасъ составилъ комитетъ изъ ректора семинаріи, ректоровъ Заиконоспасскаго и Андроніевскаго училищъ и шести Московскихъ протоіереевъ, и комитетъ сей по изслѣдованіи вопроса представилъ преосвященнѣйшему Филарету отвѣтъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Кажется, что и блаженные памяти царь Феодоръ Алексѣевичъ учредилъ славяно-греко-латинскую академію не токмо въ Москвѣ, но и среди оной, по сей единственно причинѣ, дабы родители учащихся имѣли равенство и удобство какъ въ доставленіи дѣтей своихъ въ училище, такъ и напаче въ пропитаніи оныхъ. И такое его премудрое назначеніе оправдалось впоследствии тѣмъ, что до преобразованія семинаріи по новому учрежденію число учащихся въ Академіи простиралось иногда до полуторы тысячи человекъ, между тѣмъ какъ въ прочихъ семинаріяхъ, какъ-то—Лаврской, Видавской, Перервенской и другихъ, не превышало и числа 800 учениковъ, не смотря на то, что въ сихъ семинаріяхъ, почти всѣ ученики, не исключая и священническихъ дѣтей, обучались на казенномъ содержаніи. А сіе превосходное число учащихся въ бывшей академіи ясно уже показываетъ, гдѣ удобнѣе родители находили обучать дѣтей своихъ, въ Москвѣ ли, или въ оной». Далѣе въ своемъ донесеніи комитетъ говоритъ, что высокопреосвященство въ данномъ комитетѣ предписаніи самъ изъяснилъ уже многія невыгоды помѣщенія Московской семинаріи на Перервѣ, и указываетъ новыя вредныя послѣдствія удаленія семинаріи изъ Москвы для дѣтей Московскаго духовенства.

По симъ причинамъ Комитетъ полагалъ: 1) Московское Заиконоспасское училище перевести и помѣстить во флигелѣ Петровскаго монастыря, 2) Московскую семинарію перевести съ Перервы въ Москву и помѣстить въ новостроющемся корпусѣ Заиконоспасскаго монастыря и въ прежде занимаемыхъ академію флигеляхъ съ нужною поправкою оныхъ.

Донесеніе комитета высокопреосвященный Филаретъ 6 февраля 1822 года представилъ Св. Синоду съ слѣдующимъ собственнымъ мнѣніемъ: «въ чаяніи, что сіе помѣщеніе будетъ удобнѣе, соглашаюсь съ мнѣніемъ комитета, и благопочтеннѣйше испрашиваю разсмотрѣнія онаго и разрѣшенія».

Св. Синодъ съ полнымъ сочувствіемъ встрѣтилъ мысль о перенесеніи Московской семинаріи изъ Перервы въ Москву и представленіе Московскаго архипастыря передалъ комиссіи духовныхъ училищъ, которая тотчасъ же, 17 марта, разрѣшила всѣ необходимыя постройки подъ помѣщеніе семинаріи. 1 сентября 1823 года Московская семинарія была уже открыта въ новомъ помѣщеніи въ Заиконоспасскомъ монастырѣ. Такъ это чрезвычайно

важное для Московскаго духовенства, для воспитанія дѣтей его, дѣло перенесенія семинаріи съ Перервы въ Москву совершилось по личной инициативѣ высокопреосвященнѣйшаго Филарета, вскорѣ по вступленіи его на Московскую кафедру. Мы не можемъ при этомъ не указать, какъ на высокую черту ума и характера знаменитаго іерарха Московской церкви, на умѣнье его войти въ заботы и нужды подвѣдомаго духовенства, понять и удовлетворить ихъ.

Въ Заиконоспасскомъ монастырѣ Московская Семинарія начала новую жизнь. Съ этого времени мудрый и ревностный къ дѣлу ученія Архипастырь принимаетъ ее подъ свой ближайшій надзоръ и руководство. Съ живѣйшимъ вниманіемъ слѣдитъ онъ за правдивнымъ направленіемъ, за занятіями и успѣхами воспитанниковъ семинаріи, въ особенности въ наукахъ богословскихъ. Онъ зорко всматривается въ методы преподаванія, и словомъ всегда высоко цѣнимаго одобренія поощряетъ даровитыхъ и усердныхъ преподавателей. Мы не будемъ распространяться о томъ, какимъ важнымъ руководствомъ въ дѣлѣ богословскаго преподаванія служили его богословскіе труды; мы упомянемъ только, что составленный имъ катихизисъ представлялъ и планъ, и существенныя основанія для преподаванія ученія вѣры, а его извѣстныя проповѣди, служившія образцомъ духовнаго краснорѣчія, представляли глубочайшее и подробнѣйшее развитіе этого ученія. Въ этомъ отношеніи онъ былъ руководителемъ для богослововъ не только Московской Семинаріи, но и всѣхъ другихъ. Для Московской же Семинаріи было особенно важно его личное руководство. Своими личными наблюденіями, замѣчаніями и указаніями онъ руководилъ преподавателей и учащихся всего болѣе во время такъ называемыхъ *публичныхъ экзаменовъ*.

Послѣ обычныхъ экзаменовъ назначались въ Московской семинаріи два дня, въ которые воспитанники подвергались публичному испытанію, въ присутствіи многихъ стороннихъ посѣтителей, въ особенности изъ лицъ московскаго духовенства, и въ предѣлѣ председательствія самого Высокопреосвященнаго Филарета, неуклонно посѣщавшаго такія испытанія. Въ первый день производилось испытаніе по богословскимъ наукамъ, во второй—по всѣмъ прочимъ. Тутъ слушая отвѣты воспитанниковъ, онъ любилъ обращаться къ нимъ съ разными вопросами и возраженіями, любилъ испытать, насколько знаютъ и понимаютъ воспитанники тѣ отдѣлы изъ науки, которые представлялись къ публичному испытанію. Если воспитанникъ не давалъ удовлетворительнаго отвѣта на предложенный вопросъ, за него обыкновенно отвѣчалъ самъ преподаватель. Такимъ образомъ публичные экзамены были испытаніемъ не только для воспитанниковъ, но и для преподавателей. Тутъ мудрый архипастырь и самъ часто дѣлалъ объясненія по тому или другому вопросу, всегда отличавшіяся глубиной и силою. И эти объясненія выслушивались всѣми присутствовавшими съ величайшимъ вниманіемъ. Кто изъ бывавшихъ на этихъ публичныхъ экзаменахъ не помнитъ, какъ, во время такихъ объясненій архипастыря, водворялась въ залѣ глубокая тишина, присутствовавшіе тихо приподнимались съ своихъ мѣсть, наклонялись къ сторонѣ не громко говорившаго архипастыря, прислушиваясь къ его словамъ и стараясь не проронить ни одного изъ нихъ? И кому не извѣстно, что многіе богословы такъ высоко цѣнили вопросы и объясненія мудраго богослова-руководителя, что послѣ экзаменовъ записывали ихъ и составляли сборники богословскихъ объясненій его по разнымъ вопросамъ? Такимъ образомъ Высокопреосвященный Филаретъ въ Заиконоспасской семинаріи образовалъ заведеніе, не только по внѣшности болѣе приспособленное и благо-

устроенное, но также по качеству и характеру преподаванія гораздо высшее, чѣмъ была семинарія Перервенская.

Въ Заиконоспасскомъ монастырѣ Московская семинарія находилась съ 1823 по 1844 годъ. Въ этомъ послѣднемъ году она перенесена была въ настоящее помѣщеніе. Причина этого перенесенія и обстоятельства были слѣдующія.

Въ 1829 году Государь Императоръ Николай Павловичъ далъ на имя св. Синода указъ, чтобы воспитанниковъ, «достигшихъ семинарій и признаемыхъ способными къ продолженію въ нихъ наукъ, всѣхъ безъ изъятія содержать на казенномъ иждивеніи, снабжать жительствомъ и одеждою, и сообразно сему составить смѣты распространенія училищныхъ зданій». Въ Московской семинаріи указъ этотъ не могъ быть тотчасъ же приведенъ въ исполненіе. Зданія семинаріи въ Заиконоспасскомъ монастырѣ не были настолько обширны, чтобы могли вмѣщать въ себѣ, сообразно требованію указа, всѣхъ способныхъ воспитанниковъ казеннокоштными. Распространять ихъ такъ же было не возможно, потому что самое мѣсто монастыря и семинаріи было тѣсно и окружено строениями, или не принадлежащими семинаріи и составлявшими собственность другихъ владѣльцевъ, или такими, которыхъ нельзя было приспособить подъ помѣщеніе казеннокоштныхъ воспитанниковъ. И вотъ для Высокопреосвященнаго Филарета открылась новая забота: онъ рѣшился вывести семинарію изъ Заиконоспасскаго монастыря и прискаты для нея болѣе просторное мѣсто. Съ этой цѣлію былъ составленъ особый комитетъ, который осматривалъ сначала всѣ Московскіе монастыри; но ни въ одномъ изъ нихъ не нашлось не только удобныхъ зданій, годныхъ для приспособленія подъ помѣщеніе семинаріи, но даже и достаточнаго количества земли, на которой можно бы было возвести новыя постройки. Послѣ того комитетъ обратился къ осмотру земли и домовъ частныхъ владѣльцевъ, пока наконецъ остановился на домѣ, бывшемъ графа Остермана. Домъ сей съ флигелями, сгорѣвшій во время пожара 1812 года, съ тѣхъ поръ стоялъ въ развалинахъ. Но преимущество его заключалось въ томъ, что онъ имѣлъ при себѣ болѣе 20,000 кв. сажень земли, и на ней—тѣнистый, старинный садъ. Эти обстоятельства, когда Высокопреосвященный Филаретъ представилъ дѣло въ комиссію духовныхъ училищъ, расположили ее къ приобрѣтенію Остермановаго дома. Въ 1834 году, совершена была въ Петербургской гражданской палатѣ купчая вѣрность на покупку дома и земли графа Остермана. За тѣмъ начались приготовленія, къ постройкѣ и самая постройка зданій на купленной землѣ для помѣщенія Московской семинаріи. Черезъ 10 лѣтъ всѣ работы были окончены, и въ 1844 году 1 ноября Московская семинарія переведена была изъ стѣнъ Заиконоспасскаго монастыря и открыта въ настоящее новомъ, просторномъ и благоустроенномъ помѣщеніи.

Благопочетельный архипастырь съ удовольствіемъ видѣлъ окончаніе долгихъ заботъ своихъ. 1 ноября онъ самъ освятилъ домовый храмъ въ новой семинаріи и совершилъ богослуженіе въ немъ. Послѣ богослуженія онъ обратился къ воспитанникамъ семинаріи съ словомъ назиданія, и вотъ на этомъ стоящемъ предъ нами изображеніи мы видимъ его, еще полнаго силъ, говорящимъ къ намъ, и какъ бы слышимъ самыя слова его: «Дѣти, спросите родителей или отцовъ ихъ: съ такою ли, какъ нынѣ, многообразною заботливостію были они призрѣваемы, когда, полувѣкомъ ранѣе, проходили поприще, вами теперь проходимое? Изъ неблагоустроенныхъ жилищъ нерѣдко цѣлыми поприщами измѣряли мы неблагоустроенный путь до дома ученія, и случалось, что только въ поученіи нашемъ разгорался огонь (Псал. XXXVIII. 4), когда въ сгорѣвшемъ или освѣщающемъ огнѣ удавалась учебная хра-

мина. Вспоминаю сіе не для того, чтобы возбуждать упреки прошедшему, которое имѣетъ свои добрыя и достопочтенныя воспоминанія, но чтобы отдать справедливость настоящему. Вамъ предоставляется жилище, устроенное покойно, благолѣпно, величественно; и намъ открывается совсѣмъ новая надобность напоминать вамъ, чтобы вы были въ немъ какъ обласканные, но скромные гости, и чтобы не слишкомъ привыкали утѣшаться онымъ: надлежитъ вамъ помышлять и приучать себя помышлять съ любовію, что послѣ сего можно сказать вельможескаго дома, множайшимъ изъ васъ должно будетъ, вновь обитать въ смиренныхъ жилищахъ, посѣщать убогія хижины; и къ сему должно вамъ перейти не съ чувствомъ тяготящей нужды, но съ чувствомъ священнаго и вождѣльнаго долга». (Изъ слова м. Филарета по освященіи храма въ М. Д. семинаріи 1 ноября 1844 года).

«Чада! Не позволяйте себѣ забыться и потерять вниманіе къ близкому храму Божию. Помните о немъ со страхомъ: впрочемъ такъ, чтобы страхъ сей не отражалъ васъ отъ дома Божія, а отражалъ отъ васъ все недостойное дома Божія. Помышляйте, что ангель храма видитъ васъ и слышитъ, и берегитесь того, отъ чего съ негодованіемъ отвратился бы его небесный взоръ, чѣмъ оскорбился бы его чистый слухъ. Сердце, обращенное къ Богу, воля, покорная заповѣдямъ Его, умъ, направленный къ истинѣ, жизнь тихая, обращеніе кроткое и мирелюбивое, слово разсудительное и чистое, послушаніе начальству совершенное, любовь къ дѣлу своего званія, трудъ нелѣностный, покой умѣренный, веселіе невинное, — вотъ что можетъ сосѣдствовать съ домомъ Божиимъ, безъ оскорбленія Его достоинства; и при семъ, подъ его стѣною и въ его свѣтѣ, конечно, лучше, нежели гдѣ-либо, можетъ юность расти духовно, процвѣтать и приносить плодъ во спасеніе». (Оттуда-же).

Эти слова великаго архипастыря ясно рисуютъ передъ нами его лучезарный образъ, ясно показываютъ и великое его вниманіе къ сему дому воспитанія и глубину его заботливой любви къ дѣтямъ, получающимъ въ немъ воспитаніе. Съ этого времени каждый годъ въ храмовой праздникъ Святителя и Чудотворца Николая, нашъ великій архипастырь совершалъ въ этомъ храмѣ Божественную литургію, молясь предъ престоломъ Господнимъ о благосостояніи семинаріи, если не отвлекали его какія-либо особыя обязательныя служенія.

Такъ подъ мудрымъ управленіемъ своего архипастыря Московская семинарія прожила въ новомъ зданіи двадцатилѣтіе съ 1844 по 1864 годъ. Во все это время архипастырь продолжалъ проявлять самую неусыпную заботливость о семинаріи: онъ посѣщалъ ее въ дни экзаменовъ, зорко слѣдя и за успѣхами, и за удобствами въ учебныхъ занятіяхъ. Въ теченіе перваго десятилѣтія пребыванія Московской семинаріи въ новомъ зданіи, между прочимъ, выяснилось, что существующее распредѣленіе времени классныхъ занятій для многихъ воспитанниковъ представляло весьма важныя неудобства. Такъ какъ новая семинарія не занимала уже центрального положенія въ городѣ, какъ прежняя, Заиконоспасская; то многимъ изъ своекоштныхъ воспитанниковъ стало затруднительно ходить, между окончаніемъ утреннихъ уроковъ (въ 12 ч.) и началомъ послѣобѣденныхъ (въ 2 часа), въ дома родителей для обѣда по недостатку времени, и многіе изъ нихъ принуждены были эти промежуточные два часа проводить въ семинаріи, оставаясь безъ обѣда. Посему въ 1854-мъ году правленіе семинаріи обратилось къ Его Высокопреосвященству съ слѣдующимъ предложеніемъ:

«Уставомъ духовныхъ семинарій часы для классныхъ занятій

аспредѣлены въ слѣдующемъ порядкѣ: 9 и 10 (1-й урокъ), 11 и 12 (2-й урокъ), 3 и 4 (3-й урокъ, послѣ обѣда).

«Сіе росписание времени, доселѣ въ точности соблюдающееся въ Московской семинаріи, оказывается для воспитанниковъ семинаріи, особенно своекоштныхъ, труднымъ къ выполнению съ тѣхъ поръ, какъ семинарія перемѣщена изъ центра города на край онаго».

1) «Многіе изъ своекоштныхъ воспитанниковъ семинаріи, не принадлежащіе по мѣсту рожденія къ Москвѣ, удобно могли бы жить въ учебное время въ домахъ своихъ Московскихъ родственниковъ: но нанимаютъ для себя квартиры потому, что по отдаленности мѣста жительства родственниковъ отъ семинаріи, они не могутъ ходить къ нимъ на обѣденное время. А это очень обременительно для родителей таковыхъ воспитанниковъ».

2) «Многіе изъ своекоштныхъ воспитанниковъ—уроженцы Московскіе, проживая въ домахъ своихъ родителей, не имѣютъ возможности ходить домой на обѣденное время, по отдаленности мѣста жительства родителей отъ семинаріи, и остаются въ семинаріи съ утра до 4-хъ часовъ по полудни, безъ обѣда, не освѣжаясь даже въ зимнее время воздухомъ. Воспитанники сіи чувствительно ослабѣваютъ въ силахъ и отъ недостатка потребной въ свое время пищи: но совершивъ потомъ, по окончаніи классовъ, переходъ до мѣста жительства, они до того изнемогаютъ, что дѣлаются не способными къ занятіямъ, принуждены бываютъ употреблять на отдохновеніе самое лучшее для занятій время, и заниматься тогда, когда полезнѣе предаваться сну. Слѣдствіемъ сего бываетъ или разстройство здоровья воспитанниковъ благоуспѣшныхъ, или безуспѣшность въ дѣлахъ менѣе внимательныхъ къ своимъ обязанностямъ. А между тѣмъ

3) И воспитанники казеннокоштные не мало терпятъ стѣсненія отъ того, что многіе изъ своекоштныхъ въ продолженіи цѣлаго дня остаются безвыходно въ семинаріи; по той же причинѣ трудно соблюдать и чистоту въ семинарскомъ корпусѣ».

«Для устранения означенныхъ неудобствъ правленіе семинаріи находитъ нужнымъ присоединить послѣобѣденные классы къ утреннимъ, такъ чтобы классныя занятія совсѣмъ оканчивались къ 2 мѣ часамъ по полудни».

«Вашему Высокопреосвященству правленіе семинаріи низжайше представляетъ мнѣніе сіе на архипастырское благоразсмотрѣніе и утверженіе».

Преосвященный митрополитъ, 19 марта 1854 года, написалъ на этомъ представленіи такую резолюцію: «Соглашаюсь, съ тѣмъ чтобы для облегченія учениковъ между уроками дано было по четверти часа на отдыхъ, чрезъ что послѣдніе два урока будутъ продолжаться не по два часа, а по часу съ тремя четвертями».

Св. Синодъ, по ходатайству Его Высокопреосвященства, утвердилъ новое росписание уроковъ для Московской семинаріи, и такимъ образомъ, къ удовольствію учащихъ и учащихся, и къ пользѣ самаго дѣла ученія, послѣобѣденные уроки были отмѣнены.

Столько же внимателенъ былъ преосвященный митрополитъ и къ матеріальному положенію семинаріи, стараясь помогать ей въ ея нуждахъ. Такъ когда послѣ 1856-го года цѣны на жизненные потребности стали быстро возвышаться, и положеніе служащихъ въ семинаріи, при прежнемъ окладѣ содержанія 1836 года, сдѣлалось весьма затруднительнымъ, благопечительный архипастырь въ 1859 мѣ году обратился въ Свят. Синодъ съ ходатайствомъ объ увеличеніи, по примѣру Петербургской семинаріи, окладовъ жалованья и служащимъ въ Московской семинаріи, и это ходатайство, къ величайшему утѣшенію послѣднихъ имѣло желанный успѣхъ, такъ что оклады были увеличены въ полтора раза. Такъ

какъ вмѣстѣ съ тѣмъ и содержаніе воспитанниковъ, вольнодѣльное дороговизны становилось все затруднительнѣе, то въ 1862 году по резолюціи Его Высокопреосвященства Московскимъ Перервинскимъ монастыремъ внесена была въ правленіе семинаріи сумма въ 25 тысячъ рублей «съ тѣмъ, чтобы она составляла твердый капиталъ, съ котораго проценты употреблялись бы для усиленія пособій на содержаніе бѣдныхъ учениковъ». Сумма эта сначала положена была на храненіе въ банкъ на 6 лѣтъ. Но по истеченіи этого срока въ 1868-мъ году, съ разрѣшенія Его Высокопреосвященства, деньги были вынуты изъ банка, и на нихъ приобретены пять выкупныхъ свидѣтельствъ по благопріятному курсу 72¼ за 100 такъ что въ выкупныхъ свидѣтельствахъ образовалась номинальная сумма въ 34.000 рублей, проценты съ которой по настоящее время идутъ на содержаніе бѣдныхъ учениковъ семинаріи. Такъ внимателенъ былъ преосвященный Филаретъ и къ нуждамъ преподавателей семинаріи, и къ нуждамъ воспитывающихся въ ней дѣтей бѣднаго духовенства.

1864-й годъ оканчивалъ пятидесятилѣтній періодъ существованія Московской Семинаріи. Семинарія пожелала отпраздновать юбилейный годъ своего пятидесятилѣтняго существованія, и тогдашній о. Ректоръ Семинаріи, самъ бывший ея воспитанникъ, Архимандритъ Игнатій (нынѣ Епископъ Костромской) принялъ на себя испросить у Его Высокопреосвященства ходатайство предъ св. Синодомъ о разрѣшеніи этого празднованія. «Древній обычай, говорилъ Высокопреосвященный Владыка въ представленіи объ этомъ празднованіи къ Оберъ-Прокурору св. Синода, возлагаетъ на служащихъ при Семинаріи долгъ почтить день пятидесятилѣтія оной благодарственнымъ къ Богу воспоминаніемъ первоучредителей духовнаго образованія и покровителей сего разсадника просвѣщенія. Празднованіе пятидесятилѣтняго юбилея Московской Семинаріи было бы торжественнымъ празнаниемъ неизмѣнности и вмѣстѣ плодотворности началъ, положенныхъ въ основаніе плана духовнаго образованія. Подобнаго рода торжества учебныхъ заведеній поддерживаютъ сочувственное о нихъ воспоминаніе въ тѣхъ, которые подвизались въ нихъ, или получили свое образованіе, служить поощреніемъ трудящихся на скудно вознаграждаемомъ поприщѣ ученія и возвышаютъ уваженіе въ учащихся къ своему училищу». Когда празднованіе юбилея было разрѣшено Высочайшею властію, въ Семинаріи начались приготовленія къ нему. Нѣкоторые изъ преподавателей приняли на себя трудъ написать сочиненія на темы, заимствованныя изъ преподаваемыхъ ими предметовъ, чтобы къ юбилейному торжеству напечатать сборникъ. Покойный преподаватель исторіи Н. В. Бляевъ взялся составить историческую записку о Московской Семинаріи, за пятидесятилѣтній періодъ ея существованія. Высокопреосвященный Архипастырь живо интересовался этими приготовленіями и самъ принималъ въ нихъ горячее участіе. Онъ самъ прочитывалъ статьи, приготовляемыя преподавателями. Къ сожалѣнію, не все онѣ были одобрены Владыкой, который былъ очень строгимъ цѣнителемъ ученыхъ трудовъ, и сборникъ не состоялся. За то историческая записка о Семинаріи, составленная по архивнымъ документамъ и исполненная многими подробностями, живо изображавшихъ жизнь Московской Семинаріи за ея пятидесятилѣтіе, представляла очень цѣнный трудъ и послужила украшеніемъ юбилейнаго торжества.

Маститый архипастырь почтилъ праздникъ Семинаріи своимъ присутствіемъ и на юбилейномъ актѣ со вниманіемъ выслушалъ чтеніе исторической записки, въ которой предлагалось много дорогихъ воспоминаній изъ прошлыхъ отношеній его къ Семинаріи. Другимъ дорогимъ гостемъ на этомъ праздникѣ Семинаріи былъ Высокопреосвященный Евгений, бывший архіепископъ Ярославскій,

первый Ректоръ Московской Семинаріи на Перервѣ, проживавшій въ то время на покой въ Московскомъ Донскомъ монастырѣ. Для Семинаріи этотъ праздникъ былъ двойнѣ радостенъ, и по многочисленному собранію почетныхъ гостей, какого она еще не видывала въ стѣнахъ своихъ, и по многочисленнымъ пожертвованіямъ, которыя сдѣланы были въ пользу Семинаріи, въ память ея юбилейнаго дня и которыя весьма замѣтно содѣйствовали ея дальнѣйшему благосостоянію.

Первымъ въ числѣ жертвователей опять является ближайшій покровитель Семинаріи, Высокопреосвященный митрополитъ Филаретъ. Предъ самымъ праздникомъ юбилея, октября 1864 года, онъ предложилъ Семинаріи щедрый денежный даръ, назначеніе котораго опредѣлялъ въ слѣдующихъ словахъ: «желая въ память дня совершившагося пятидесятилѣтія Московской Семинаріи что нибудь оставить ея будущимъ днямъ и ознаменовать сочувствіе къ дѣятелямъ ея предлагаю семь тысячъ рублей, съ тѣмъ чтобы они внесены были въ кредитное установленіе и проценты на нихъ ежегодно присуждаемы были въ качествѣ пособія и поощренія одному изъ наставниковъ Семинаріи во вниманіе къ немаловажному и особенно полезному служенію».

Кромѣ того въ дѣйствіе ходатайства Его Высокопреосвященства предъ св. Синодомъ о награжденіи, по случаю пятидесятилѣтняго юбилея Семинаріи, служащихъ при ней должностныхъ лицъ, послѣдовалъ изъ св. Синода указъ, которымъ объявлялъ всемъ поименованнымъ лицамъ разныя награды, орденскими знаками отличія, денежными суммами, и другія.

Изъ другихъ пожертвованій въ пользу Семинаріи она должна съ благодарностію отмѣтить пожертвованія отъ бывшего каѳедрального протоіерея П. Е. Покровскаго (нынѣ главнаго священника арміи и флота), отъ настоятелей нѣкоторыхъ Московскихъ монастырей, и отъ настоятеля Волоколамскаго монастыря архимандрита Гедеопа. Первый внесъ въ семинарію пятипроцентный банковый билетъ въ 1.000 рублей, для употребленія процентовъ съ онаго въ пользу бѣдныхъ учениковъ Семинаріи».

Настоятели нѣкоторыхъ монастырей Московской епархіи, по случаю юбилея семинаріи, желая оказать вспоможеніе бѣднымъ ученикамъ семинаріи изъ монастырскихъ неокладныхъ суммъ, изъявили готовность, предъ началомъ каждаго учебнаго года, вносить въ семинарское правленіе, по мѣрѣ возможности, отъ 50-ти до 200 рублей, на что въ особомъ донесеніи его высокопреосвященству испрашивали его архипастырскаго разрѣшенія. Высокопреосвященный митрополитъ, отъ 31 октября 1864 года, положилъ на этомъ донесеніи слѣдующую резолюцію: «съ утѣшеніемъ видя благопопечительное вниманіе настоятелей монастырей къ бѣднымъ дѣтямъ Московскаго духовенства, предлагаю семинарскому правленію предлагаемыя благотворительныя приношенія принять съ благодарностію, и объ употребленіи оныхъ въ пользу бѣдныхъ учениковъ сдѣлать соображенія и соотвѣтственное опредѣленіе».

Архимандритъ Волоколамскаго монастыря Гедeonъ доставилъ семинарскому правленію 150 р. на содержаніе воспитанниковъ Московской семинаріи въ текущемъ 1864-мъ году и 3.000 руб. для внесенія въ кредитное установленіе, съ тѣмъ, чтобы проценты съ сего капитала употребляемы были на содержаніе бѣдныхъ учениковъ семинаріи.

Тамъ благодаря вниманію и ходатайству высокопреосвященнаго митрополита Филарета, Московская семинарія отпраздновала свой пятидесятилѣтній юбилей, который возбудилъ въ ней много внутренней научной жизни, и обогатилъ ее многими матеріальными приношеніями,

Послѣ юбилейнаго торжества жизнь семинаріи приняла обычное теченіе. Но скудость содержанія преподавателей семинаріи, получавшихъ жалованья 429 руб. въ годъ, а равно-содержанія начальствующихъ и другихъ служащихъ въ семинаріи лицъ, при возрастающей съ каждымъ годомъ дороговизнѣ, дѣлала матеріальное положеніе ихъ все болѣе затруднительнымъ. И эта матеріальная скудость дѣятелей семинаріи не ускользнула отъ вниманія заботливаго архипастыря. 28 декабря 1865 г. высокопреосвященный митрополитъ сдѣлалъ семинарскому правленію слѣдующее предложеніе: «при сознаніи нужды возвысить оклады служащимъ при Московской семинаріи, предполагается назначить:

Ректору	600 р.
Инспектору	250 »
Эконому	250 »
Секретарю	200 »
Библіотекарю	150 »
8-ми наставникамъ каждому по	700 »
Прочимъ 12-ти наставникамъ каждому по	600 р.

Соотвѣтственно сему предложенію семинарское правленіе имѣетъ составить таблицу съ показаніемъ, сколько кто получаетъ и сколько нужно прибавить».

Семинарское правленіе немедленно представило его высокопреосвященству подробное росписаніе какъ существующихъ окладовъ содержанія должностныхъ при семинаріи лицъ, такъ и тѣхъ прибавокъ, которыми предполагалось увеличить существующіе оклады до указанной въ предложеніи его высокопреосвященства нормы, съ исчисленіемъ общей суммы прибавокъ. На этомъ росписаніи послѣдовала отъ 29 декабря 1865 года таковая резолюція его высокопреосвященства: «нужда возвысить оклады служащихъ при семинаріи настоятельна. По сему исчисленную на сіе сумму четыре тысячи шесть сотъ девяносто шесть рублей девяносто копѣекъ назначается Московскому семинарскому правленію получать отъ Московской каѳедры ежегодно съ 1 января 1866 года, доколѣ по милости Божіей каѳедра будетъ имѣть для сего способы, или доколѣ высшее начальство откроетъ способы достаточно удовлетворить потребности семинарій. При назначеніи высшихъ окладовъ принимать въ соображеніе старшинство службы, важность трудовъ и нужды семейныя».

Такимъ образомъ благодаря заботливости просвѣщеннаго архипастыря оклады служащихъ при семинаріи, въ виду все возрастающей дороговизны, время отъ времени были увеличиваемы; по содержанію бѣдныхъ воспитанниковъ, благодаря приливу пожертвованій, семинарія также не испытывала большихъ недостатковъ. Но суммы, ассигнуемыя на содержаніе дома, оставались все прежнія, и по этой статьѣ далеко не все нужды могли быть покрываемы. Высшее хозяйственное управленіе не хотѣло видѣть этихъ нуждъ, или отказывалось помочь имъ, ссылаясь на недостатокъ средствъ своихъ. Это было тяжкое время для семинаріи. И вотъ высокопреосвященный Филаретъ, хотя сознавалъ, что эти нужды всецѣло должны бы покрываться центральнымъ хозяйственнымъ управленіемъ семинарій, тѣмъ не менѣе, время отъ времени, покрывалъ передержки Московской семинаріи по содержанію дома. Впрочемъ суммы, даваемыя на этотъ предметъ, выдавались въ видѣ ссуды Перервенскимъ монастыремъ и писались каждый разъ въ долгъ семинаріи монастырю. Къ концу 1867 года, времени кончины архипастыря, долгъ семинаріи Перервенскому монастырю возросъ до 15.271 р., а съ училищами, которымъ на такихъ же условіяхъ подавалась помощь отъ каѳедры, до 44.523 рублей. Когда на Московскую каѳедру прибылъ новый архипастырь, высокопреосвященный Иннокентій, то вскорѣ поч-

тепный о. игумень монастыря, представляя ему отчетъ о монастырскихъ суммахъ, представилъ ему донесеніе о долгѣ семинаріи и училищъ, и, считая его безнадежнымъ, предложилъ списать его со счета казенной кассы. И Высокопреосвященный митрополитъ написалъ на донесеніи резолюціи: «согласенъ».

Наступилъ 1867-й годъ. Это былъ прежде всего годъ пятидесятилѣтія епископскаго служенія маститаго архипастыря, Высокопреосвященнаго Филарета. Московская паства, глубоко чтившая великія достоинства своего архипастыря, рѣшилась торжественно отпраздновать юбилейный день его епископства, это было торжество въ ознаменованіе личныхъ заслугъ Его Высокопреосвященства. Но оно послужило для Семинаріи новымъ источникомъ къ улучшенію ея благосостоянія. Прихожане Московской Троицкой Единовѣрческой церкви, «желая ознаменованъ и сдѣлать памятнымъ день пятидесятилѣтія епископскаго служенія Его Высокопреосвященства, по единогласному желанію положили, что бы три воспитанника Московской Семинаріи, самые бѣдные, но достойные по своимъ способностямъ, были приняты въ питаніе и содержались на проценты съ 5.000 рублей, и именовались «стипендіатами Филаретовыми». Деньги 5.000 рублей были внесены въ правленіе Семинаріи.

За тѣмъ 1867-й годъ былъ годомъ введенія новаго устава Семинаріи, значительно измѣниваго и ходъ преподаванія въ Семинаріяхъ, и порядокъ управленія имъ. Для насъ интересно было бы точно знать мнѣніе просвѣщеннаго архипастыря объ этихъ перемѣнахъ; но мы къ сожалѣнію его не знаемъ. Впрочемъ ходили извѣстія, которыя кажутся очень вѣроятными, что онъ напр. неблагоприятно смотрѣлъ на то, что новый уставъ измѣнилъ положеніе Ректора Семинаріи, уменьшивъ его власть, что онъ вводилъ баллотировки и избранія, оцѣнку ученическихъ успѣховъ посредствомъ строгой балловой системы, и пр.

Но довольно. 1867-й годъ былъ и годомъ кончины великаго архипастыря, въ который Московская Семинарія столько же, сколько и вся Московская паства, и вся Россійская церковь, понесла величайшую, горестнѣйшую утрату.

ВОСПОМИНАНІЕ О МИТРОПОЛИТѢ ФИЛАРЕТѢ.

Въ первые годы управленія Московскою епархіею высокопреосвященнымъ Филаретомъ, когда онъ былъ еще архіепископомъ, въ одномъ небогатомъ селѣ Звенигородскаго уѣзда въ числѣ причта состоялъ немалосемейный о. діаконъ. Онъ былъ человѣкъ простой, скромный, любимый въ приходѣ, но, къ сожалѣнію, позволялъ себѣ, что впрочемъ не было въ то время рѣдкостью въ сельскомъ духовенствѣ, выпить лишнее, и сталъ было ослабѣвать. Старшій сынъ его въ то время обучался въ Виоанской семинаріи въ богословскомъ, но тогдашнему, классѣ. Сильно заботило семинариста положеніе его отца; въ особенности его страшило вѣроятное отрѣженіе отъ мѣста его родителя: строгій всегда во всемъ къ себѣ, покойный владыка былъ строгъ, особенно въ то время, къ которому относится нашъ разсказъ, и къ подвѣдомому ему духовенству; изъ многихъ мѣстъ доходили до Виоаніи слухи о подобныхъ взысканіяхъ. Долго думалъ виоанскій богословъ о томъ, какъ бы предотвратить грозу и наконецъ рѣшился сдѣлать очень рискованный шагъ—пойти ей на встрѣчу: онъ написалъ и отправилъ въ архіерею донесеніе на своего отца! Но это былъ на самомъ дѣлѣ не доносъ, а вопль сердца сына, трепетавшаго за участь нѣжно любимаго отца. Богословъ, какъ смѣлъ и умѣлъ, просидѣлъ, умолялъ владыку по-

дѣйствовать своимъ авторитетнымъ вліяніемъ на его добраго, но слабого родителя. Дѣло было не задолго до годичныхъ испытаній въ семинаріи. Владыка былъ на нихъ въ Виоаніи; самъ вызвалъ донесителя и остался доволенъ его отвѣтами, но, конечно, ничего не сказалъ ему о дѣлѣ. По возвращеніи въ Мскву онъ вывалъ его отца. Со страхомъ и трепетомъ предсталъ предъ грозныя очи владыки сельскій діаконъ. Сурово встрѣтилъ его владыка: сказалъ, что ему извѣстна его слабость; что онъ уже получилъ о немъ донесеніе. На столѣ въ комнатѣ пріема лежала въ то время, какъ передавалъ въ послѣдствіи вызванный, перегнутая сипеватая бумага (такую обыкновенно выдавали тогда семинаристамъ для ихъ учебныхъ занятій). Обвиняемый не сталъ заператься: чистосердечно признался во всемъ, въ чемъ сознавалъ себя виновнымъ. Владыка смягчился и пожелалъ узнать, что побуждаетъ хорошаго, какъ ему извѣстно изъ бумаги и личнаго объясненія, человѣка къ невоздержности; діаконъ сказалъ между прочимъ въ объясненіе, что его сильно тяготитъ долгъ въ 300 рублей, который онъ не можетъ заплатить по скудости средствъ. Выслушавъ это, владыка молча ушелъ въ свой кабинетъ, но скоро возвратился и далъ недоумѣвавшему о. діакону деньги на уплату всего его долга, *) взявъ съ него при этомъ слово исправиться.

Нужно ли говорить о тѣхъ чувствахъ, какія пришлось переиспытать въ короткое сравнительно время объясненія съ владыкою вызванному на судъ и такъ неожиданно облагодѣтельствованному о. діакону? Онъ не зналъ да, кажется, и до конца жизни не узналъ, кто былъ его тайный обвинитель, но живо чувствовалъ поднявшую его руку благодѣтеля владыки. Придуманное сыномъ средство имѣло желанный результатъ для родителя, и послужило какъ бы орудіемъ Провидѣнія для владыки сдѣлать истинно доброе дѣло.

Въ послѣдствіи, когда занявшій, по окончаніи курса, діаконское мѣсто въ Москвѣ виоанскій студентъ поснѣшилъ съ глубочайшею признательностію представить владыкѣ заимодавцу неожиданную ссуду, онъ отклонилъ возвращеніе, съ улыбкою сказавъ: «я не давалъ и не даю взаймы денегъ».

Таковъ былъ пріснопамятный святитель Филаретъ, котораго обыкновенно представляютъ болѣе строгимъ, взыскательнымъ администраторомъ, грознымъ судіею, чѣмъ добрымъ, нѣжнымъ отцемъ, милостивѣйшимъ архипастыремъ.

И. Любимовъ.

ЧЕСТВОВАНІЕ В. А. ЖУКОВСКАГО ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ И МОСКВѢ.

Чествованіе памяти В. А. Жуковскаго въ Петербургѣ по случаю исполнившагося 29-го января, столѣтія со дня его рожденія, началось, согласно послѣдовавшему высочайшему разрѣшенію, въ 10 часовъ утра, Богослуженіемъ въ Александровской Лаврѣ, въ церкви Св. Духа. Литургію совершалъ епископъ Ладожскій, викарій Петербургской епархіи, преосвященный Арсеній, въ сослуженіи съ ректоромъ духовной академіи протоіереемъ Янышевымъ, тремя архимандритами и прочимъ духовенствомъ. Отецъ І. Янышевъ, съ свойственнымъ ему краснорѣчіемъ и душевною теплотой, сказалъ, передъ началомъ панихиды, вдохновенное и глубоко прочувствованное слово о значеніи Жуковскаго, какъ человѣка,

*) Тогда считали на ассигнаціи, но сумма, и нѣтъ не малозначительная, конечно въ то время была очень значительна и не для того только, кому давали.

какъ поэта, какъ христіанина и дѣятеля на пользу общественную.

Въ 11½ часовъ митрополитомъ Московскимъ и Коломенскимъ Іоанниемъ, въ сослуженіи двухъ епископовъ и прочаго духовенства, отслужена панихида, и за тѣмъ духовенство, съ пѣвчими и многочисленными почитателями памяти Жуковского, отправилось на его могилу. Предъ духовенствомъ воспитанники училища правовѣдѣнія и 2-го Кадетскаго корпуса несли вѣнокъ, изящно сдѣланный изъ пальмовыхъ листьевъ съ лирою изъ красныхъ и бѣлыхъ цвѣтовъ посреднѣ, присланный Ихъ Императорскими Величествами, а депутація городской Думы неслла вѣнокъ отъ города Петербурга, большаго размѣра, изъ лавровъ, съ надписью внутри изъ бѣлыхъ иммертелей: «Петербургъ В. А. Жуковскому, 1783—1883». Какъ эти вѣнки, такъ и вѣнки отъ великой княгини Маріи Павловны, принцесы Евгеніи Максимилиановны, отъ сына поэта, Павла Васильевича Жуковского, и дочери его баронесы Александры Васильевны Верманъ (которые, находясь за границею, не могли прибыть сюда къ этому дню), отъ семейства Рейтернъ, родственниковъ супруги Жуковского, отъ общества русскихъ драматическихъ писателей, пальмовый вѣнокъ отъ студентовъ петербургской духовной академіи и многіе другіе были возложены на могилу незабвеннаго поэта.

Въ заключеніе, помѣщаемъ рѣчь достопочтеннаго проповѣдника, о. І. Л. Янышева, сказанную передъ панихидою:

Прочее же, братія моя, такъ заключаетъ св. апостолъ Павелъ свои пространныя, обращенныя къ филиппійцамъ наставленія, обобщая ихъ въ немногихъ словахъ, прочее же, братія моя, елика суть истинна, елика честна, елика праведна, елика пречиста, елика премолебна, елика добродѣтельна, аще кая добродѣтель и аще кая похвала, сія помышляйте. Имъ же и научитесь, и пріяте, и слышасте, и видисте во мнѣ, сія творите: и Богъ мира будетъ съ вами (Филипп. IV, 8, 9).

Стремленіе къ помысламъ обо всемъ святомъ, высокому и прекрасному, и къ осуществленію этихъ помысловъ въ жизни, въ чемъ в. апостолъ видитъ призваніе жизни своей собственной и всякаго христіанина и вмѣстѣ залогъ того мира души, который даетъ только Самъ Богъ Своимъ присутствіемъ сердцу вѣрующаго, такое стремленіе слышится намъ, братіе, во всѣхъ литературныхъ произведеніяхъ и во всѣхъ извѣстныхъ намъ чертахъ жизни знаменитаго поэта земли русской, близъ могилы котораго собрала насъ столѣтняя годовщина его рожденія.

«Его непорочная душа», воспользуемся собственными словами поэта, сказанными имъ о почившемъ современномъ ему и также, какъ о знаменитомъ историкѣ, «его непорочная душа прошла по землѣ, какъ Ангелъ свѣта, отъ котораго осталось въ его жизни и произведеніяхъ вѣчное завѣщаніе на вѣру въ Бога, на любовь ко благу и правдѣ, на благоговѣніе предъ всѣмъ высокимъ и прекраснымъ» (Т. XI-й, стр. 165).

Дѣла жизни здѣсь—предъ лицомъ Божиимъ, должны были бы говорить прежде всякаго произведенія поэзіи. Но какъ въ немногихъ словахъ изобразить сіяніе и теплоту того свѣта и добра, которые эта возвышенная и, вмѣстѣ, нѣжная, любящая, младенчески-ясная душа распространяла всюду, куда только достигало ея вліяніе?

Для той доброй семьи, которая его—сироту съ младенческихъ лѣтъ—усвоила себѣ, въ своемъ дѣтскомъ возрастѣ скоро

сдѣлался онъ радостію и утѣхою, въ юношескомъ—оживленіемъ и возбужденіемъ къ литературному образованію, въ зрѣломъ и до самаго гроба—самоотверженнымъ и самымъ нѣжнымъ попечителемъ и покровителемъ. Для блестящей группы литературныхъ друзей, къ которой принадлежали тогдашніе высшіе умы и благороднѣйшія сердца—для этихъ друзей онъ, по выраженію одного изъ нихъ,

Чудесный даръ имѣеть
Всѣхъ соединять кругомъ;
Душу онъ душею грѣеть,
Умъ чаруетъ онъ умомъ,
И волшебнo слухъ дѣлеть
Упоительнымъ стихомъ.

Въ царственной семьѣ, скоро оцѣнившей высокія дарованія ума и сердца поэта, приблизившей его къ себѣ, юныя ея отрасли, и во главѣ ихъ самъ тогдашній наслѣдникъ престола—впослѣдствіи великій Монархъ-Освободитель, эта вѣчная слава и радость Россіи—нашли въ Жуковскомъ не только достойнаго наставника-руководителя и любимаго собесѣдника, но и сердечно уважаемаго друга. Для множества же нуждающихся и несчастныхъ онъ, благодаря своему положенію въ обществѣ и при дворѣ, являлся всегда ревностнымъ ходатаемъ, а иногда и мужественнымъ заступникомъ предъ высочайшею властью. И, наконецъ, его пламенная любовь къ отечеству, ко всей землѣ русской, вдохновляла его на такія бессмертныя произведенія, какъ, напримѣръ, «Пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ» или какъ нашъ національный гимнъ, сдѣлавшійся потребностью и лучшимъ украшеніемъ при всякомъ патріотическомъ торжествѣ; она же—эта пламенная любовь къ славі и благу Россіи вызвала и до послѣдней минуты жизни одушевляла нашего поэта «на состязаніе съ богатырями иностранной поэзіи, заставила его покорить самый языкъ и обширными завоеваніями обогатить въ свое время и духъ, и формы, и предѣлы нашей поэзіи» (Кн. Вяземскій).

Если, по выраженію поэта, святѣйшее въ мірѣ званіе, даже въ особѣ монарха, есть званіе *человѣка*: то въ своей жизни В. А. Жуковский былъ одушевленъ всѣмъ, что есть наиболѣе высокаго и прекраснаго въ человѣческой природѣ!

А это, по направленію всѣхъ произведеній поэта, значить тоже, что онъ воодушевленъ былъ непрестаннымъ стремленіемъ къ общенію съ первоисточникомъ красоты и добра—живымъ личнымъ Богомъ и единымъ ходатаемъ Бога и *человѣковъ, челоѣкомъ Христомъ Исусомъ*, давшимъ Себе *избавленіе за всѣхъ* (I Тим. II, 5, 6). Для него поэзія—это «Самъ Богъ въ святыхъ мечтахъ земля» (т. XI, стр. 173); изящное произведеніе—это «тайное выраженіе божественнаго» (стр. 57), красота—это «ощущеніе и слышанье душею Бога въ созданіи» (стр. 154); самъ поэтъ—это посланникъ Божій, который ищетъ, находитъ и открываетъ другимъ повсемѣстное присутствіе Божіе» (стр. 159—160). Не то это значить, чтобъ поэтъ ограничивался одними гимнами Богу, а то, что, чтобы ни встрѣтилось на пути его откровенному оку и чтобы ни было это встрѣченное, высокое или малое, прекрасное или безобразное, многозначущее или легкое, забавное или мрачное, что все это, проходя чрезъ душу поэта, приобрѣтаетъ ея характеръ, не измѣнивъ своего собственнаго, что чрезъ все это поэтъ, не называя Бога, узнаетъ Его, вѣрить Ему, идетъ къ Нему и ведетъ къ Нему другихъ» (XI, стр. 16). «Онъ есть могучее крыло, подъемлющее родныя ему

сердца на высоту думъ, воспламенитель, глаголь правды, лекарство душъ, безвѣрїемъ крушимыхъ» (стр. 171).

Вѣра въ Бога, Творца, Испытателя и Освятителя и въ загробное воздаяніе составляютъ красную нить, проходящую столько же чрезъ всю жизнь, сколько и чрезъ всё твореніе нашего поэта. Эта вѣра и была для него единственнымъ могучимъ средствомъ сохранять миръ, гармонию души своей среди внутреннихъ и вѣшнихъ превратностей и испытаній; она же помогала ему и при поэтическомъ воспроизведеніи явленій природы и жизни, какъ бы ни были мрачны и безотрады эти явленія, держать свой духъ горъ и постоянно съ надеждою взирать не на то только, что *здесь*, но и всегда на то, что *тамъ*, что имѣеть вѣчное, непреходящее значеніе.

Довѣренность къ Творцу!

Чтобъ ни было — Незримый,

Ведеть насъ къ лучшему концу

Стезей непостижимой!

Ему, друзья, отважно въ слѣдъ!

Прочь низкое, прочь злоба!

Духъ бодрый на дорогѣ бѣдъ,

До самой двери гроба!

(«Пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ»).

Эта же вѣра, особенно въ послѣдніе годы жизни поэта, учила его достигать высшей, истинной любви, которая николи же отпадаетъ, достигать путемъ не дружбы только, не поэтическаго наслажденія и всегданяго благотворенія, но и путемъ креста терпѣнія.

Такая живая вѣра не могла не оправдать его: предъ самою кончиною своею, соединившись въ послѣдній разъ на землѣ съ своимъ Спасителемъ и Богомъ подъ видимыми знаками въ таинствѣ причащенія, онъ облагодатствованъ былъ неизрѣченнымъ миромъ сердца и удостоился того чуднаго видѣнія, о которомъ напоминаетъ одно изъ изрѣченій Спасителя, начертанныхъ на памятникѣ поэта: «*Любяй Мя, возлюбленъ будетъ Отцомъ Моимъ*» и «*Азъ возлюблю его и явлюся ему Самъ*» (Іоан. XIV, ст. 21).

Вотъ это-то глубоко-христіанское настроеніе, одушевлявшее жизнь и произведенія В. А. Жуковскаго, дѣлаеть воспоминаніе столѣтней годовщины его рожденія отраднымъ торжествомъ не для людей только стоящихъ во главѣ такой или другой отрасли общественнаго труда или управленія, но и для всей церкви Христовой, для всякаго члена ея, помышляющаго и желающаго творить, *елика суть истина, елика честна, елика прелюбезна, аще кая добродѣтель и аще кая похваля...*

Оно же — это доблестное, истинно русское и христіанское настроеніе покойнаго поэта даетъ намъ смѣлость здѣсь, въ священномъ храмѣ Божіемъ, обратить ко всѣмъ, собравшимся на молитву, наставленіе самого поэта о томъ, какъ мы должны чествовать его память:

О милыхъ снутникахъ, которые нашъ свѣтъ

Своимъ присутствіемъ животворили,

Не говори съ тоской: ихъ нѣтъ;

А съ благодарностію: были!» (Воспоминаніе).

И, поэтому, нашъ долгъ:

Ту жизнь, гдѣ ихъ ужъ нѣтъ, какъ съ ними совершить,

Чтобъ быть достойными объ нихъ воспоминанья,

Чтобъ встрѣтить съ торжествомъ великій часъ свиданья

(Т. 1, стр. 36).

Въ Москвѣ 29 января праздновался столѣтній юбилей В. А. Жуковскаго въ четвертой классической гимназіи. Гимназія эта называлась некогда *Благороднымъ Пансіономъ*, въ которомъ поэтъ воспитывался. Въ 10 часовъ утра была отслужена панихида, а затѣмъ въ актовомъ залѣ въ присутствіи преподавателей гимназіи и воспитанниковъ, учителемъ П. А. Кулаковскимъ рассказана была біографія поэта, причѣмъ говорившій указалъ на записанную на золотой доскѣ фамилію Жуковскаго, окончившаго курсъ съ золотою медалью въ 1800 году. Въ заключеніе торжества, хоръ воспитанниковъ гимназіи пропѣлъ народный гимнъ.

Юбилей Жуковскаго празднованъ и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ Москвы, въ томъ числѣ въ Лицеѣ Цесаревича Николая.

30 января послѣ заупокойной обѣдни и панихиды въ церкви Московскаго Университета въ актовомъ залѣ Московскаго университета, въ часъ дня, происходило торжественное засѣданіе Общества Любителей Россійской Словесности. На засѣданіе съѣхалось около двухъ тысячъ человекъ, такъ что обширная зала не могла вмѣстить всѣхъ желавшихъ почтить память покойнаго поэта. Посреди эстрады помѣщался портретъ В. А. Жуковскаго, написанный въ натуральную величину и изображавшій его уже въ преклонныхъ лѣтахъ. Портретъ былъ окруженъ тропическими растеніями и увѣнчанъ большимъ вѣнкомъ изъ зелени. С. А. Юрьевъ, Н. С. Тихомировъ и А. Н. Веселовскій характеризовали личность и дѣятельность В. А. Жуковскаго; кромѣ того г. Юрьевъ прочелъ отрывокъ изъ *Камозса* В. А. Жуковскаго. Больше другихъ произвела впечатлѣніе на публику характеристика Жуковскаго, изложенная А. Н. Веселовскимъ. Ораторъ нарисовалъ образъ покойнаго поэта въ весьма симпатичныхъ чертахъ. Упомянувъ о врожденной добротѣ поэта, г. Веселовскій указывалъ на его ходатайства предъ императоромъ Николаемъ Павловичемъ за поэта Пушкина, за декабриста Николая Тургенева, за нѣкоторыя произведенія Гоголя и Лермонтова; между прочимъ напоминалъ и о томъ, что Жуковскій, покровительствуя всѣмъ молодымъ поэтамъ, припалъ участіе въ судьбѣ Тараса Шевченка и дабы собрать капиталъ необходимый для его освобожденія изъ крѣпостной зависимости, разыгралъ въ лотерею собственный портретъ.

Рѣчь оратора была покрыта рукоплесканіями. Засѣданіе закрыто въ 4 часа.

ДЕВЯТОЕ СОБЕСѢДОВАНІЕ СЪ СТАРООБРЯДЦАМИ ВЪ СЕМИНАРСКОЙ ЦЕРКВИ О ЧИСЛѢ ПРОСФОРЪ НА ПРОСКОМИДИ.

Въ Воскресенье, 30 января, въ церкви Московской Духовной Семинаріи, по обыкновенію, происходила бесѣда со старообрядцами, предметомъ которой на этотъ разъ былъ избранъ вопросъ: можно ли отдѣлиться отъ церкви ради того, что она постановила употреблять на проскомидіи не семь просфоръ, а пять? Бесѣдовалъ преподаватель Семинаріи Х. К. Максимовъ при участіи воспитанника 5-го класса, Ивана Арсеньева. Вотъ въ краткихъ чертахъ содержаніе бесѣды. Въ началѣ было сказано, что по ученію старообрядцевъ на проскомидіи должно быть семь просфоръ, изъ нихъ четвертая — за патріарха, за епископство и весь священническій и монашескій чинъ, пятая — за Царя и Царицу, шестая — за игумена и за всѣхъ живыхъ, седьмая за всѣхъ усопшихъ; при томъ изъ каждой просфоры нужно вынимать только по одной части. Въ служебникахъ же Греко-Россійской церкви на проскомидіи положено имѣть только пять просфоръ и частицы за

епископство и весь священнический и монашеский чинъ, за Государи и за всѣхъ живыхъ вынимать не изъ трехъ, но изъ одной четвертой просфоры; наконецъ, изъ третьей просфоры вынимать девять частицъ, въ честь девяти чиновъ святыхъ угодинокъ Божіихъ. При изложеніи спорнаго предмета было сказано, что существо разномыслія старообрядцевъ состоитъ въ томъ, что въ уменьшеніи числа просфоръ они полагаютъ именно «иное благовѣстіе, т. е. нѣчто, повреждающее догматы вѣры, ради чего они отдѣляются отъ Греко-Россійской церкви, какъ отъ неправославной. Чтобы доказать, что замѣна седмипросорія пятипросоріемъ не повреждаетъ чистоты вѣры Греко-Россійской церкви и есть дѣло, на совершеніе коего она имѣетъ отъ Господа право и власть, православные собесѣдники сказали, что ни Самъ Господь, ни апостолы не установили числа просфоръ, но, по выраженію Апостола, «единъ хлѣбъ, едино тѣло есмь мнози: вси бо отъ единого хлѣба причащаемся» (1 Кор. 10, 17); что въ Евангеліи можно находить образецъ для седмипросорія въ насыщеніи 4000 семью хлѣбами (Мат. гл. 15), но еще болѣе для пятипросорія въ насыщеніи 5000 пятью хлѣбами (Мат. 14). Неизвѣстно также, чтобы седмипросоріе было установлено какимъ-нибудь соборомъ, «напротивъ, достоверно извѣстно, что опредѣленіе числа просфоръ на проскомидіи въ древней православной церкви совершенно зависело отъ усмотрѣнія епархіальныхъ епископовъ и настоятелей монастырей. Это послѣдняя мысль была доказана чтеніемъ изъ книги уважаемаго церковно и старообрядцами Севаста и Арменопула (кн. 6, въ началѣ), по рукописи Хлудовской бібліотеки, и чтеніемъ письменныхъ службениковъ которые, по преданіямъ, хранившимся при дворѣ московскихъ патріарховъ и по стариннымъ надписямъ на сихъ книгахъ, принадлежали преп. Антонію Римлянину (+ 1144; службеникъ въ Синод. библ., № 605), преп. Варлааму Хутынскому (+ 1193 или 1243; службеникъ въ Синод. библ., № 604), преп. Сергію Радонежскому (+ 1392; службеникъ въ Синод. библ., № 952) и др. святымъ угодинокъ Божіимъ. Чтеніе, слушаніе и даже самый видъ этихъ памятниковъ, глубоко древнихъ (за 700 и 500 лѣтъ до нашего времени) и освященныхъ употребленіемъ великихъ и прославленныхъ подвижниковъ, и какъ бы отпечатлѣвавшихся на себѣ ихъ великіе молитвенные и духовные глаголы,—производилъ какое то особенно назидательное, примиряющее впечатлѣніе на православныхъ и старообрядцевъ. Изъ чтенія этихъ памятниковъ оказалось, что въ древности на проскомидіи употреблялась и одна, и двѣ, и три, и четыре и т. д. даже до осьми просфоръ, и что изъ третьей просфоры, которая въ нѣкоторыхъ древнихъ службеникахъ называется *крестовою* (напр. въ службеникѣ Синод. библ., подъ № 603), вынималось 4 частицы и даже именно 9 (напр. въ службеникѣ, изд. въ Стратинѣ въ 1604 году епископомъ Гедеономъ Балабаномъ, который въ Кирилловой книгѣ именуется православнымъ). Изъ чтенія оказалось также, что пятипросоріе не есть новый обычай. Вотъ какъ описана проскомидія въ службеникѣ преп. Антонія Римлянина: «примъ іерей отъ діакона просфору, и перекрестя пожемъ и глаголетъ: воспоминаніе творимъ Господа нашего Исуса Христа на тайнѣ Его вечери. И вынетъ Агнецъ, и положить на дис-

коть, и *просфумисавъ просфоры*, и глаголетъ молитвы надъ кадилломъ: кадило приносимъ (листь 8 об.)». Что касается собственно, древности пятипросорія, то, кромѣ службеника преп. Сергія, указано было на т. н. «Уставъ Божественныхъ службъ» (XIV столѣтія; Синод. библ. № 268), гдѣ на проскомидіи положено имѣть пять просфоръ. Не установленіе седми просфорія Господомъ Исусомъ Христомъ, Его Апостолами и какими либо соборами и различіе числа просфоръ въ древней Церкви доказывало, что седмипросоріе не есть догматъ вѣры, и что измѣненіе его не есть «иное благовѣстіе», не повреждаетъ чистоты православія Греко-Россійской Церкви и по причинѣ сего измѣненія старообрядцы не могутъ отъ нея отдѣляться. Если уменьшеніе седмиричнаго числа просфоръ считать поврежденіемъ вѣры, то сіе поврежденіе нужио было бы находить у преп. Сергія, Варлаама Хутынскаго, Антонія Римлянина и въ древней Церкви.

Когда такимъ образомъ доказано было, что замѣна седмипросорія не составляетъ погрѣшности въ вѣрѣ, было обращено вниманіе, такъ сказать, на археологическую сторону седмипросорія, и было показано, 1) что, по древнимъ памятникамъ, оно не восходитъ далѣе XV столѣтія; 2) что съ опредѣленною оно было, по патріаршимъ службеникамъ, назначено только для монастырей, а не для приходскихъ церквей *); 3) что въ номоканоны, напечатанные при патр. Іоасафѣ I въ 1639 году оно внесено въ самое недавнее время и при обстоятельствахъ, въ которыхъ есть нѣчто соблазнительное. Для подтвержденія послѣдней мысли прочитаны были выдержки изъ іоасафовскихъ номоканонъ, причемъ указано было, какимъ образомъ въ нихъ явилось предписаніе о седмипросоріяхъ на проскомидіи, вмѣсто яснаго указанія на пятипросоріе въ кievскомъ номоканонѣ 1624 года, съ котораго перепечатаны были съ нѣкоторыми измѣненіями іоасафовскіе номоканоны. Присутствующимъ въ церкви показанъ былъ подлинный типографскій списокъ (изъ библ. Моск. Синод. Типогр., № 445), съ котораго набирали (печатали) эти номоканоны. Присутствовавшіе въ церкви увидали, что на 60 листѣ той рукописи стояло: «на святой проскомидіи Божественная литургія *пять просфоръ* да имаша. Первая, за Господскіи хлѣбъ. Вторая, Пресвятыя Богородицы. Третія, за святыхъ. Четвертая, за живыхъ челоувѣкъ, ихъ же хочещи поминати. Пятая, за усопшихъ. Едино прямо единому особно каждо чиномъ своимъ».... Это мѣсто, какъ и весь номоканонъ, отъ слова до слова было переписано съ номоканона, напечатаннаго въ Кіевѣ въ 1624 году. Справщикъ, приготовлявшій рукопись къ печати, своею рукою, сверва черниломъ, а потомъ кироварью, въ текстѣ этого правила сдѣлалъ поправки: зачеркнувъ слово *пять*, написалъ вверхъ слово *седмь*; слова о первой, второй и третьей просфорѣ оставилъ безъ измѣненія, послѣ слова *четвертая* поставилъ выносной знакъ и на поляхъ написалъ: «за патріарха. Пятая за царя и царицу и за чацъ ихъ; а гдѣ будетъ царво происшествіе, тутъ вымаютъ по именамъ всѣмъ по просфорѣ.» За тѣмъ между строками вставилъ слова: «шестая за всѣхъ православныхъ», въ словахъ *пятая за усопшихъ* послѣдніе два слова оставилъ безъ измѣненія, слово *пятая* зачеркнулъ, а вмѣсто него вписалъ на верху слово *седмал*. Далѣе ки-

*) Рукопись эта и нѣкоторыя рѣдкія старопечатныя книги были доставлены изъ Никольскаго Едновѣрческаго монастыря, которому А. И. Хлудовъ завѣщалъ свою бібліотеку.

*) На это указываетъ слѣдующее выраженіе въ патріаршихъ службеникахъ: «аще же будетъ монастырь» іерей пріемъ шестую просфору глаголетъ и т. д. Иначе шестая просфора употреблялась повидимому лишь въ обителяхъ.

новарью поправку свою нѣсколько измѣнилъ и тамъ, гдѣ стояло: «а гдѣ будетъ цареву пришествіе» и проч., онъ написалъ: «а пже будетъ къ цареву величеству послати, то выимають по имяномъ вѣсмъ по просѣрѣ». Такимъ образомъ нельзя было болѣе сомнѣваться, что единственное опредѣленное правило объ употребленіи седжи просфоръ на проскомидіи, изложенное въ номоканонахъ изъ іоасафовскихъ и іосифовскихъ потребникахъ, — это правило составлено не въ древности, а въ 1639 г. вмѣстѣ съ изданіемъ іосифовскаго потребника, т. е. за 13 лѣтъ до патр. Никона, — притомъ составлено сиравщикомъ Московскаго печатнаго двора, и не извѣстно, съ вѣдома, или безъ вѣдома патр. Іоасафа, и съ очевидною погрѣшностію и даже искаженіемъ истины, такъ-какъ, будучи помѣщено въ номоканонѣ, составленномъ Аѳонскими отцами (какъ это видно изъ предисловія номоканону), правило о седмипросфоріи, очевидно, приписывалось этимъ отцамъ: «святити отцы аѳонетія», говорится въ 60-мъ Поморскомъ отвѣтѣ, «въ номоканонѣ, изданномъ въ Москвѣ, при патр. Іоасафѣ, о седмипросфорномъ служеніи поучаютъ въ правилѣ 210». — Для большой убѣдительности при концѣ бесѣды, какъ подлинный типографскій списокъ (доставленный изъ библ. Моск. Синод. Тип.), такъ и древніе служебники, принадлежавшіе русскимъ чудотворцамъ, были все показаны присутствующимъ, которые долго съ любопытствомъ а нѣкоторые съ благоговѣніемъ, разсматривали ихъ; въ числѣ любопытныхъ мы замѣтили нѣкоторыхъ старообрядцевъ, на которыхъ видъ типографскаго списка времени патр. Іоасафа произвелъ особенно сильное впечатлѣніе, такъ-что одинъ даже прямо высказалъ мысль, что изъ за числа просфоръ нѣтъ причины отдѣляться отъ Церкви. Бесѣда окончилась около 7 часовъ вечера. При разсматриваніи рукописей завязалась бесѣда съ старообрядцемъ. Старообрядецъ высказалъ мысль, что онъ отдѣляется отъ Великороссійской церкви потому, что не видалъ, чтобы кто-либо изъ православныхъ истово осѣнялъ себя знаменіемъ креста, но все они *махаютъ* руками, а сему «маханію бѣси радуются». Старообрядцу сказали, въ Москвѣ есть лица (ихъ назвали), которыхъ онъ долженъ знать, — лица, которыя истово полагаютъ крестное знаменіе. Въ Валаамскомъ монастырѣ и въ пустынь Серафима Саровскаго братія истово ограждаютъ себя крестнымъ знаменіемъ. Старообрядецъ не хотѣлъ ни вѣрить, ни возражать. Сказали еще: Стоглавыи соборъ въ 32 главѣ говоритъ, что въ тѣ времена весьма многіе «махали руками», изображая на себѣ крестъ; «однако по причинѣ сей небрежности при огражденіи себя крестнымъ знаменіемъ никто не отдѣлялся отъ церкви, а кто-бы дерзнулъ отдѣлиться, тотъ былъ бы повиненъ грѣху раскола. Какое-же основаніе имѣть онъ — старообрядецъ — отдѣляться отъ церкви Греко-Россійской по причинѣ небреженія при огражденіи крестнымъ знаменіемъ и въ какихъ книгахъ это основаніе изложено? Старообрядецъ сказалъ: я не ученъ и гдѣ это писано сказать не могу. Старообрядцу сказали: если не знаешь, гдѣ объ этомъ писано и есть ли писано, зачѣмъ не узнавъ, отдѣляешься отъ Церкви. Кровь мученическая не можетъ заглядитъ грѣху раскола, говорилъ Св. Кирианъ Карфагевскій (Злат. правоуч. II на посл. Ефес.)

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Предстоящая епископская хиротонія. Назначеніе председателя учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ. Новый источникъ улучшенія быта духовенства. Назначеніе духовенству опредѣленнаго содержанія. Откры-

тіе народной столовой при Исакіевскомъ соборѣ. Переходъ преподаванія Закона Божія въ сельскихъ школахъ въ руки духовенства. Любопытный эпизодъ изъ исторіи законоучительства въ сельскихъ школахъ Кубанской области. Наименованіе Ростовскаго дух. училища «Димитріевскій». Дѣятельность Одесскаго братства св. Андрея Первозваннаго.

— 9 февраля въ Святѣйшемъ Синодѣ будетъ происходить нареченіе намѣстника Александро-Невской лавры, архимандрита Симеона, во епископа Орловскаго, а 13 февраля въ соборѣ Лавры послѣдуетъ его хиротонія.

— Опредѣленіемъ Св. Синода членъ учебнаго комитета при Св. Синодѣ протоіерей церкви Императорскаго училища правослѣднїи и законоучитель сего училища Алексѣй Парвовъ назначенъ председателемъ учебнаго Комитета.

— На устройство и украшеніе православныхъ церквей въ юго-западномъ краѣ изъ Государственнаго Казначейства ежегодно отпускаются довольно значительныя денежныя суммы, которыя по разнымъ причинамъ обыкновенно полностью не расходуются и образуютъ остатки. Изъ такихъ остатковъ за нѣсколько послѣднихъ лѣтъ составила сумма свыше 1000000 руб. Нынѣ, какъ мы слышали, вѣдомствомъ Святѣйшаго Синода возбуждено ходатайство объ отпускѣ этой суммы въ его распоряженіе на улучшеніе быта духовенства во внутреннихъ городахъ и селеніяхъ имперіи. Въ виду важности указываемаго употребленія вышеозначенной суммы, ходатайство это, какъ передаютъ «Моск. Вѣд.», будетъ удовлетворено въ непродолжительномъ времени.

— По слухамъ, сообщаемымъ «Новостями», въ Св. Синодѣ будто бы въ настоящее время находится проектъ о постоянномъ и опредѣленномъ вознагражденіи духовенства за его службу. По этому проекту окладъ жалованья духовнымъ лицамъ долженъ будетъ производиться самими прихожанами, въ томъ размѣрѣ, въ какомъ онъ будетъ ассигнованъ обществомъ. Послѣднее самолично составляетъ смѣту на каждый годъ и представляетъ ее въ управленіе епархіи. Назначенія на мѣста должны быть разрядныя, по старшинству и заслугѣ лицъ духовнаго званія.

— 27 января послѣдовало послѣ молебствія открытіе бесплатной столовой для бѣдныхъ, учрежденной при Исакіевскомъ соборѣ по почину соборнаго старосты генерала Богдановича. Для завѣдыванія столовой образованъ комитетъ, членами котораго состоятъ выборные, какъ отъ причта, такъ и прихожанъ.

— Въ «Курскомъ Листкѣ» напечатано слѣдующее прїятное извѣстіе отъ Рыльска: «Въ большей части сельскихъ школъ преподаваніе Закона Божія перешло въ послѣднее время въ руки мѣстныхъ священниковъ».

— Къ иллюстраціи вопроса о преподаваніи Закона Божія въ сельскихъ школахъ священниками мы не лишнимъ считаемъ сдѣлать выдержку, — за которую, думаемъ, не посѣтуютъ на насъ наши читатели, — изъ напечатанной въ «Церковно-общ. Вѣстн.» корреспонденціи изъ Кубанской области. Тамъ случился вотъ какой фактъ. Директоръ станичныхъ школъ въ Кубанской области отнесся крайне недружелюбно къ законоучительской дѣятельности священниковъ. Не довольствуясь неодобрительными словесными отзывами, онъ письменно донесъ въ 1876 г. попечителю округа, что, по его наблюденіямъ, въ тѣхъ школахъ, гдѣ преподаютъ Законъ Божій священники, усѣхи учениковъ по этому предмету крайне слабы, — что священники берутъ за уроки деньги, а школъ не посѣщаютъ, напр. въ станицахъ Урунскаго, Безкорбной и др. Въ заключеніе своего донесенія онъ ходатай-

ствовавъ, чтобы преподаваніе Закона Божія изъ рукъ священниковъ было передано въ руки учителей. Представленіе это передано было преосвященному. Преосвященный собралъ къ себѣ всѣхъ благочинныхъ Кубанской области, и просилъ ихъ откровенно сказать ему, правда ли все, о чемъ доносить директоръ училищъ. Тѣ попросили преосвященнаго назначить строгое разслѣдованіе дѣла и приозвѣсти внимательное исчисленіе дѣтей въ знаніи Закона Божія. Что же оказалось? Послѣ строгаго разслѣдованія дѣла, при участіи выборныхъ отъ общества депутатовъ, выяснилось, что въ станицѣ Урупской дано священникомъ по Закону Божию до 80 уроковъ и притомъ совершенно безплатно; въ станицѣ Безкоробной—болѣе 60 уроковъ и также даромъ (между тѣмъ прѣ эти именно станицы директоръ доносилъ, что священники ничего не дѣлаютъ, и только даромъ деньги берутъ). Ответы учениковъ по Закону Божию вездѣ оказались очень удовлетворительными; общества вездѣ подтвердили, что дѣти ихъ знаютъ молитвы, умѣютъ молиться Богу, а имъ—старикамъ болѣе ничего не нужно и священники ихъ, какъ они сами видать и дѣти говорятъ, школы посѣщаютъ очень усердно. Напротивъ въ тѣхъ школахъ, гдѣ Законъ Божій преподавался учителями, усѣхи оказались очень плохи. И только, благодаря энергической защитѣ преосвященнаго, духовенство въ Кубанской области отстояло свои права на народное образованіе, такъ что директоръ народныхъ школъ теперь уже внушаетъ обществу положить за преподаваніе Закона Божія станичнымъ священникамъ жалованье.—Къ вышеизложеннымъ фактамъ, думаемъ, не требуется комментаріевъ.

— Высочайше утверждено опредѣленіе Св. Синода о присвоеніи духовному училищу въ г. Ростовѣ наименованія «Димитріевскаго», въ память святителя Димитрія, митрополита Ростовскаго, какъ насадителя духовнаго просвѣщенія въ бывшей ростовской митрополіи, жившаго и почившаго въ домѣ, занимаемомъ нынѣ училищемъ.

— Въ «Херсонскихъ епархіальныхъ вѣд.» напечатанъ отчетъ за прошлый годъ о дѣятельности существующаго въ Одессѣ Братства св. Андрея Первозваннаго, которое имѣетъ главною задачею своею религіозно-нравственное просвѣщеніе народа и искорененіе въ немъ заблужденій и пороковъ. Главнымъ средствомъ достиженія своей цѣли братство считаетъ распространеніе въ народѣ различныхъ доступныхъ для него листовъ и брошюръ, которыхъ въ отчетномъ году распространено 158650 экземпляровъ: Выборъ этихъ изданій дѣлается примѣнительно къ различнымъ религіозно-нравственнымъ нуждамъ и потребностямъ; такъ одни изъ нихъ направлены противъ болѣе обыкновенныхъ въ народѣ пороковъ—кражи, пьянства и т. п., другіе—противъ религіозныхъ заблужденій въ краѣ—штундизма и т. п., словомъ чтеніе дается понятное народу и жизненное. Распространяемыя изданія частію составляютъ членами братства, частію же приобретаются на сторонѣ готовые—преимущественно изъ числа изданій Троицкой лавры, подъ названіемъ «Троицкіе листки». Въ отчетѣ замѣчены факты благотворнаго дѣйствія на народъ разсылаемыхъ братствомъ изданій.—Денежныя средства братства по отчету представляются въ такомъ видѣ: израсходовано въ отчетномъ году 1620 р. 98 к., и къ слѣдующему году осталось 3770 р. 55 к. Всѣхъ членовъ братства считается 890 человекъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Положеніе закона о претендентахъ. Отношеніе къ нему Французскаго сената. Освобожденіе изъ подъ ареста принца Наполеона. Дунайская конференція. Отношеніе къ ней мелкихъ придунайскихъ государствъ. Протестъ Румыніи. Столкновеніе Черногоріи съ Турціей по вопросу о регулированіи границъ. Прекращеніе сношеній по этому дѣлу со стороны Черногоріи. Просьба исургентскихъ вождей о принатіи въ Черногорское подданство. Отказъ султана утвердить бюджетъ Румеліи.

— Во Франціи законъ о претендентахъ продолжаетъ волновать общественное мнѣніе. Сенатъ назначилъ для разсмотрѣнія этого закона особую комиссію, члены которой въ большинствѣ высказались противъ принатія закона. Въ засѣданіи сената 27 января докладчикъ комиссіи Аллу представилъ по этому дѣлу особый докладъ, въ которомъ законъ о претендентахъ рѣшительно отвергается; въ немъ говорится, что никакой компромиссъ немыслимъ, что комиссія испытываетъ не монархическій импульсъ, а патриотическій и что осуществленіе сенатомъ своего законнаго права не можетъ вызвать столкновенія съ палатою. Въ субботу начались въ сенатѣ пренія, и, кажется, законъ будетъ отвергнутъ. Тогда правительство будетъ постановлено въ затруднительное положеніе; по крайней мѣрѣ настоящій кабинетъ долженъ будетъ непременно выйти въ отставку.—Принцъ Наполеонъ изъ за котораго поднялось все дѣло, освобожденъ изъ подъ ареста, и по послѣднимъ извѣстіямъ, вмѣстѣ съ своимъ сыномъ Людовикомъ отправился въ Англію.

— 27 января въ Лондонѣ открылась Дунайская конференція, предсѣдателемъ которой избранъ англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ лордъ Гранвилъ. Нѣкоторое затрудненіе конференція представилъ вопросъ о томъ, съ какими правами допустить на конференцію представителей небольшихъ придунайскихъ государствъ Румыніи, Сербіи и Болгаріи. Рѣшено предоставить имъ только совѣщательный голосъ, по такому рѣшенію удовлетворился Сербское правительство, Румынія же его не признаетъ. Румынскій министръ президентъ сообщилъ палатѣ депутатовъ, что конференція по дунайскому вопросу рѣшила предоставить Румыніи только совѣщательный голосъ, вслѣдствіе чего Гякъ предписано формально опротестовать это рѣшеніе и заявить, что въ такомъ случаѣ Румынія не можетъ признать за рѣшеніями конференція обязательной силы. Палата, не исключая оппозиціи, одобрила образъ дѣйствія правительства. Отъ Болгаріи назначенъ делегатомъ на конференцію Вулковичъ, но противъ допущенія его въ конференцію протестуетъ Порта, которая продолжаетъ считать Болгарію своимъ вассальнымъ княжествомъ, а потому и не имѣющимъ права на самостоятельное политическое представительство. Но Болгарское правительство намѣрено возобновить свой протестъ, въ случаѣ недопущенія на конференцію его представителя.

— Черногорское правительство сдѣлало важный и рѣшительный шагъ въ дѣлѣ регулированія своихъ границъ по отношенію къ Турціи. Турецкіе уполномоченные, пообычаю, подъ всякими предлогами всячески затягивали дѣло. Такъ недавно первый турецкій уполномоченный Берди-бей сказался больнымъ; въ то же время онъ отказался исполнить желаніе Черногорскаго правительства, чтобы работы по проведенію границъ были поручены второму уполномоченному и заявилъ, что долженъ получить новыя инструкціи изъ Константинополя. Черногорское правительство рѣшилось положить конецъ этой медленности и проволочкамъ, и обратилось къ державамъ съ

жалобой на медлительность Порты и обусловило свое дальнейшее участие въ пограничных работахъ 14 дневнымъ срокомъ. И такъ какъ этотъ срокъ истекъ безъ всякаго отвѣта со стороны Порты, то Черногорія обратилась къ державамъ съ новою нотой, въ которой слагаетъ на Турцію отвѣтственность за не успѣхъ дѣла регулированія границъ и заявляетъ объ уничтоженіи заключенной въ Цетиньѣ конвенціи, о занятіи Черногоріей Матагоша и Владна и о разрывѣ переговоровъ Портой по пограничному вопросу. Возможно, что этотъ отказъ можетъ обратиться въ серьезное столкновение.

Интернированные въ Черногорію инсуррентскіе вожди, перешедшіе сюда изъ Герцоговины, подали просьбу о принятіи ихъ въ Черногорское подданство.

— Изъ Филиппополя сообщаютъ, что султанъ отказался утвердить одобренный провинціальнымъ собраніемъ Румелии бюджетъ на 1883 г., вслѣдствіе чего генералъ губернаторъ Румелии Алеко-паша сдѣлалъ Портѣ серьезныя представленія, коихъ исходъ еще неизвѣстенъ.

ЗАМѢТКИ И СООБЩЕНІЯ О ПЕЧАТИ.

«Церковно-Общественный Вѣстникъ» выступилъ недавно рѣшительнымъ защитникомъ статей г. Терновскаго, который, какъ мы уже говорили, характеризовалъ личность митр. Филарета только дурными чертами, какъ бы чуждаясь его лучей. Но мало защиты—«Вѣстникъ» переходитъ въ наступленіе и старается образумить «Московскія Вѣдомости» и «Русь», рѣшившихся указать г. Терновскому на безтактность его поступка. Очень любопытны эти сужденія и поученія петербургской церковной газеты... Мы пройдемъ молчаніемъ многословность и пышные цѣфты выраженій, которыми они увиты, и уважемъ только на основныя мысли. Газета говоритъ, что великіе люди требуютъ безпристрастной оцѣнки, для чего исторіи требуется знать ихъ «не подъ дымкою тумана», а во всемъ объемѣ «при полномъ сіяніи истины». Поэтому важнѣе для историка безпристрастные очерки, чѣмъ хвалебныя гимны. Да и вообще указанія на слабыя стороны великаго человѣка не умаляютъ его величины. Вспомните хотя бы Петра I. За что же тогда упрекать г. Терновскаго: онъ сказалъ только правду, былъ безпристрастенъ! Вѣдь митр. Филаретъ былъ человѣкъ—были и у него недостатки, чего впрочемъ не отрицаетъ и г. Катковъ и что подтвердилъ въ прошломъ году П. С. Базанскій, бывший «глубокимъ читателемъ» владыки и изобразившій его достоинства «яркими красками» въ своихъ воспоминаніяхъ (Пр. Об. 8 кн.). Таковъ смыслъ статьи. Въ другомъ мѣстѣ, напр., въ предисловіи къ какому нибудь историческому труду или въ сочиненіи на тему «характеристики великихъ людей» приведенныя мысли были бы и вѣрны и вѣроятно не лишни. Въ данномъ случаѣ онѣ лишни и неумѣстны. Дѣло идетъ не объ историческомъ трудѣ, а объ юбилейной газетной статьѣ. Смыслъ юбилеевъ, какъ извѣстно, въ томъ, чтобы черезъ оживленіе въ памяти достоинствъ и заслугъ юбиляра и черезъ всенародное признаніе ихъ какъ возбудить въ народѣ уваженіе къ существуемому, къ его дѣятельности, къ его идеаламъ и къ его родинѣ, такъ и подвигнуть его къ подражанію. Все что нарушаетъ этотъ смыслъ, непригодно для юбилея, ибо несвоевременно. Несвоевременно и не у мѣста также и писать исторію въ газетѣ въ день юбилея. А тѣмъ болѣе не ко времени писать противоположное историческому духу—умалчи-

вать о достоинствахъ, выкапывая недостатки. Неужели «Вѣстникъ» можетъ думать, что прочитавшіе статьи г. Терновскаго, но сами мало знакомые съ дѣятельностію владыки, вынесутъ какое нибудь понятіе о его заслугахъ изъ описанія его недостатковъ. Какое же это безпристрастіе забывать о заслугахъ человѣка! Какъ же это исторія, не имѣющая безпристрастія?! Странно, что «Церк.-Общ. Вѣстникъ» забылъ въ своей защитѣ самое главное—смыслъ юбилейнаго дня и наговорилъ много ни къ чему...

*** Жертвы народныя на о освобожденіе близкихъ намъ по вѣрѣ и по крови славянъ, приносимыя Россіей добровольно въ продолженіи двухъ вѣковъ, не даютъ покойнаго сна многимъ ея недругамъ. Имъ непонятно безкорыстіе нашего отечества и разныя чудовищныя предположенія мерещатся имъ въ полуснѣ. Они стараются отыскать тайные мотивы, руководившіе Россіей, для чего выдвигаютъ призракъ русской жажды захватовъ и завоеваній. Этимъ призракомъ пугаютъ славянъ, пророча имъ русскій плѣнъ и оковы, сѣя раздоръ въ славянской единовѣрной семьѣ. Къ счастью и благу нашему и всеславянскому рѣчамъ ихъ внимаютъ немногіе и что всего важнѣе рѣчи ихъ не доходятъ до народа—зерна всякой народности. Очень утѣшительно видѣть, что и печать славянская понимаетъ свое положеніе и старается укрѣпить еще неразрывнѣе связи своего народа съ нашимъ отечествомъ. Вотъ нѣкоторыя выдержки изъ новой болгарской газеты «Соединеніе», приводимыя со словъ «Голоса», которыя ясно обнаруживаютъ какъ истинное отношеніе къ намъ Болгарскаго народа, такъ и дѣятельность антирусской интриги. «Мы, говоритъ «Соединеніе», прежде всего, безъ всякихъ увертокъ, должны констатировать фактъ, никакъ не могущій быть оспориваемымъ, что у насъ, въ Болгаріи, антирусской политики существовать не можетъ. Нѣкоторые изъ нашихъ политиковъ, пожалуй, и изъ простыхъ смертныхъ могутъ не любить Россіи, могутъ опасаться ея намѣреній и пр. Но подобные люди могутъ быть сосчитаны по пальцамъ; они представляютъ лишь единицы. Народъ же, масса не съ ними; онъ не держится и не можетъ держаться ихъ убѣжденій... Болгарскій народъ ждалъ цѣлыхъ 500 лѣтъ своего освобожденія отъ «дѣдушки Ивана». Это, наконецъ, осуществилось, и, спустя лишь пять лѣтъ, вы полагаете, что этотъ народъ забудетъ все совершившееся, свое прошлое, свои страданія, свои преданія?... Вы горько ошибаетесь, если полагаете, что народъ это сдѣлаетъ... Вы еще болѣе заблуждаетесь, полагая, что онъ не понимаетъ того, что теперь и въ будущемъ для своего политическаго существованія, для своего объединенія, онъ необходимо нуждается въ помощи и покровительствѣ Россіи. Народъ слабый и раздѣленный на нѣсколько частей, народъ молодой, безъ славнаго прошлаго, народъ, къ сожалѣнію, не успѣвшій пріобрѣсти себѣ симпатію Европы, нашъ народъ долженъ, по необходимости, опираться на то государство, въ рукахъ котораго, такъ или иначе, находится наша судьба. Разумѣется, мы не менѣе нашихъ противниковъ желаемъ независимости нашей національной политики..... Намъ возразятъ, что если Россія интересуется нами, если она покровительствуетъ намъ, то дѣлаетъ это не потому, что такъ ужъ мы ей любимы и милы, а потому, что это диктуется ей ея жизненными интересами, что она руководствуется при этомъ «заднею мыслию». Не претендуемъ быть глубокими политиками, не знаемъ, слѣдовательно, мотивовъ, движущихъ

Россію въ ея болгарофильской политикѣ. Мы только признаемъ вмѣстѣ со всѣми, что Россія, дѣйствительно, имѣетъ на Балканскомъ полуостровѣ жизненные для нея интересы, въ виду которыхъ она держится традиціонной политики, завѣщанной ей еще Петромъ Великимъ. Но, при дѣйствіи этой политики, съ ея постепеннымъ развитіемъ и преобладаніемъ, народы Балканскаго полуострова пострадали ли въ чемъ-нибудь, потеряли ли что-нибудь? Напротивъ. Послѣ каждой побѣдоносной русской войны, на Балканскомъ полуостровѣ становилось однимъ свободнымъ народомъ болѣе. Греція, Сербія, Румынія не являются ли плодомъ этой политики; эти государства не обязаны ли своимъ существованіемъ исключительно русскому великодушію?... Если Россія не присоединила себѣ Румынію, столько разъ ею оккупированную, если до сихъ поръ она ни разу не посягала на независимость ни одной изъ національностей Балканскаго полуострова, то не является ли совершенно неосновательнымъ предположеніе, что она желаетъ подчинить себѣ, завоевать Болгарію?.....

«И такъ, традиціонныя симпатіи болгарскаго народа по отношенію къ Россіи — симпатіи пятивѣковыя; чувство признательности, воплощенное въ сердцахъ болгаръ; интересъ самосохраненія политическаго и независимаго существованія; необходимость соединенія двухъ свободныхъ болгарскихъ областей въ одно сильное княжество и, затѣмъ, объединенія всего болгарскаго народа—всѣ эти причины заставляютъ насъ держаться крѣпко Россіи, упрочивать, а не ослаблять наши съ ней связи, укрѣплять народную къ ней привязанность. Россіи мы обязаны своимъ политическимъ существованіемъ, отъ нея можемъ ждать и впредь своего окончательнаго спасенія...»

* * Священникъ Павелъ Руновскій, касаясь вопроса о церковно-приходскихъ школахъ, привѣтствуетъ въ «Руководствѣ для с. п.» ихъ возобновленіе и считаетъ будущность ихъ прочною и благотворною при существованіи нѣкоторыхъ необходимыхъ условій. Первымъ условіемъ ставить онъ полную обезпеченность школы и учителя-священника. Вторымъ полную независимость послѣдняго отъ всякаго рода инспекторовъ, директоровъ и т. п.; въ замѣнъ которыхъ проектируетъ предоставить «надзоръ за школами и отчетность о положеніи ихъ благочиннымъ, или лучше всего особенно избраннымъ лицамъ изъ среды священниковъ», заявившихъ себя педагогической опытностью. Третье условіе заключается въ краткости программы. Въ противность толкамъ, доказывающимъ невозможность священнику быть народнымъ учителемъ онъ утверждаетъ на основаніи собственнаго опыта возможность совмѣщенія двухъ должностей. «Неспорно, говорить онъ, что пастырскія обязанности будутъ отвлекать священника отъ школьнаго дѣла; но онъ будутъ отвлекать временами, а не постоянно. Собственно говоря, отвлекать будетъ не церковное богослуженіе,—литургія въ будніе дни въ селахъ оканчивается обыкновенно около осьми часовъ утра; будутъ отвлекать, такъ сказать, требы экстренныя, наприм. напутствованіе больного, крещеніе слабыхъ младенцевъ; но эти требы даже въ приходахъ при тысячномъ населеніи случаются нечасто. Болѣе, чѣмъ пастырскія обязанности могутъ отвлекать отъ школы священника обязанности хозяйственныя и семейныя. Не малая часть нашихъ священниковъ за неимѣніемъ прислуги сами исправляютъ всѣ черныя работы по дому—рубятъ дрова, носятъ воду, чистятъ хлѣвы и т. п. и нерѣдко исправляютъ обязанность няньки. Конечно, при этихъ условіяхъ священнику трудно найти достаточно времени для заня-

тія въ школѣ. Но если за исправленіе должности учителя, назначено будетъ священнику жалованье примѣрно рублей 150, то это неудобство легко можетъ быть устранено наймомъ прислуги. Что касается правоспособности нашихъ священниковъ въ дѣлѣ веденія школьныхъ занятій, то и на это нужно сказать, что между ними не малое число найдется педагоговъ не только хорошихъ, но и даже вполне знакомыхъ съ требованіями новѣйшей педагогикіи и съ выработанными ею методами и приемами первоначальнаго преподаванія.»

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

БЕСѢДА СЪ СТАРООБРЯДЦАМИ ВЪ СЕМИНАРСКОЙ ЦЕРКВИ.

Бесѣда со старообрядцами въ Семинарской церкви, въ Воскресенье 6 февраля, съ 3-хъ час. дня. Благотѣльное почитаніе четверо-конечнаго креста на равнѣ съ осмиконечнымъ есть ли «иное благовѣстіе» (Гал 199) и есть ли нововведеніе или было въ древности и старообрядцы имѣютъ ли основаніе ради него отдѣляться отъ православной церкви? На бесѣдѣ будутъ показаны древніе памятники свидѣтельствующіе о почитаніи четвероконечнаго креста.

ВОСПОМИНАНІЯ ОБЪ УМЕРШЕМЪ СВЯЩЕННИКѢ ПРЕЧИЩЕНСКАГО СОРОКА ТРОИЦКОЙ, ЧТО ВЪ ЗУБОВѢ, ЦЕРКВИ — ВАСИЛІИ ИЛЬИЧѢ О. ВІНОГРАДСКОМЪ.

Седьмого января текущаго года заушанный ударъ колокола Троице-зубовской церкви въ 11ть часовъ вечера возвѣстилъ прихожанамъ о внезапной кончинѣ ихъ пастыря о. Василія.

Тяжело отозвался этотъ звукъ въ душѣ каждаго прихожанина. Церковь потеряла въ немъ незамѣнимаго пастыря. Покойный, сынъ священника Покровской, что на Землянкѣ, церкви Ильи Михайловича Виноградскаго, родился въ 1828 году. Послѣ успѣшнаго окончанія курса наукъ въ Московской семинаріи, онъ былъ посланъ продолжить свое образованіе въ Московскую академію, гдѣ и окончилъ курсъ со степенью магистра въ 1852 году. По окончаніи тотчасъ былъ назначенъ на должность инспектора Донскихъ училищъ и преподавателя латинскаго языка въ высшемъ отдѣленіи, откуда въ 1854 году былъ переведенъ въ Спасо-виоанскую семинарію, гдѣ сначала былъ преподавателемъ гражданской исторіи, а потомъ помощникомъ инспектора въ той же семинаріи. Прослуживъ въ оной до 1856 года покойный не пожелалъ долѣе продолжать свою педагогическую дѣятельность и уволился для поступленія въ Московское епархіальное вѣдомство *).

Съ 1857 года началась его дѣятельность, какъ пастыря церкви, когда онъ былъ определенъ во священника къ Московской Седьмовселенской церкви.

Считаю необходимымъ замѣтить, что вышеупомянутая церковь находится вдали отъ центра Москвы и имѣетъ въ числѣ своихъ прихожанъ большею частію черныя народъ (такъ больше половины составляютъ огородники). Частенько мнѣ приходилось видѣть, какъ о. Василій въ весеннее или осеннее время пробирался по невылазной грязи чуть не къ Воробьевымъ горамъ для напутствованія св. Христовыми Тайнами

*) По существовавшимъ тогда положеніямъ сначала нужно было подать въ отставку, а потомъ уже подавать на мѣста.

своего прихожанина. Душевно радостно переносилъ онъ все. Его единственныя слова при подобныхъ случаяхъ были: Богъ милостивъ; такъ угодно Всевышнему. Въ теченіе 15 лѣтъ безропотно исполнялъ онъ обязанности пастыря Седьмоселенской церкви. Наконецъ за честное служеніе Высокопреосвященнымъ Иннокентіемъ въ 1872 году переведенъ былъ къ Троицкой, что въ Зубовѣ, церкви, гдѣ въ томъ же году за прежнюю службу награжденъ скуфьею. Въ 1876 году Василій Ильичъ былъ определенъ законоучителемъ въ Усачевско-Черныявское женское училище. Въ 1877 г. за честное служеніе во священствѣ и усердные труды по преподаванію закона Божія удостоился награжденія камилавкою; а въ 1880 г. золотымъ наперснымъ крестомъ.

Въ 1882 году, благодаря особеннымъ личнымъ трудамъ пастырскимъ и въ память 25 лѣтняго его служенія во іереяхъ, прихожане Троице-зубовской церкви поднесли ему наперсный крестъ, украшенный драгоценными камнями. Таковы были общественная дѣятельность покойнаго и заслуги его. Теперь скажу о немъ, какъ о человѣкѣ вообще. Кто ни зналъ Василія Ильича—всякій пожалѣлъ и очень пожалѣлъ о его преждевременной кончинѣ. Спросите каждаго изъ прихожанъ Седьмоселенской и Троице-зубовской церквей. Несомнѣнно все повторять со мною: дай Богъ каждому изъ пастырей быть такимъ, каковъ былъ Василій Ильичъ. Что требуется церковью отъ пастыря, то все въ немъ было. Чего желалъ каждый изъ прихожанъ въ смыслѣ добраго, искренняго и честнаго, то все могъ найти въ уважаемомъ имъ священникѣ. Необыкновенно строгая справедливость и любовь къ истинѣ, соединенная съ необыкновенной добротой сердца и любовью къ ближнему—неводно располагали въ его пользу каждаго. Въ семействѣ своемъ онъ никогда и ни про кого не говорилъ и не позволялъ говорить—худаго. Кто ему дѣлалъ худо, онъ никогда не отвѣчалъ тѣмъ же. Богъ съ нимъ, Богъ ему судія—были обыкновеннымъ и самымъ большимъ возмездіемъ за сдѣланное ему зло. А послѣдняго много пришлось потерѣть покойному. Я не ошибусь, если укажу на непріятности и несчастія какъ на раннюю причину его смерти. Какъ бываетъ въ большинствѣ случаевъ, что череззуръ доброе расположеніе и откровенность обращаются во вредъ человѣку, обладающему этими качествами, такъ было и здѣсь. Благотѣлія Василія Ильича многими стали считаться необходимою съ его стороны и въ силу этого стали считаться ни во что. Я помню, какъ одинъ изъ обязанныхъ Василію Ильичу своимъ повышеніемъ служебнымъ принудилъ покойнаго отдать ему послѣднее, чтобы самому пожить на счетъ безкорыстнаго Василія Ильича, можетъ быть благодаря этому не оставившаго сиротамъ и куска хлѣба. Этотъ случай, бывший на моихъ глазахъ, значительно подорвалъ его здоровье.

Съ дня же потери своей любимой супруги онъ сталъ хворать и худѣть, пока непріятное столкновеніе съ однимъ лицомъ не убило его въ конецъ.

Миръ праху твоему почившій пастырь нашъ! Неизгладима память о тебѣ въ сердцахъ нашихъ.

Духовный сынъ покойнаго А. М.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА РУССКІЙ БІОГРАФИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ.

Въ немъ будетъ помѣщено до двухъ тысячъ краткихъ біографій извѣстныхъ русскихъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ государственной и общественной дѣятельности. Словарь періодически будетъ выходить отдѣльными выпусками и будетъ законченъ непременно въ теченіе одного 1883 года. Всѣхъ выпусковъ будетъ шесть: I Духовныя лица, II Литераторы, III Артисты, IV Ученые, V Государственные люди и общественные дѣятели, VI Военные.

Подписка принимается какъ на весь словарь, т. е. на всѣ шесть выпусковъ вмѣстѣ, такъ и на отдѣльные выпуски порознь.

Подписная цѣна за всѣ шесть выпусковъ съ пересылк. восемь рублей, за каждый отдѣльный выпускъ съ пересылк. два рубля. При подпискѣ вносится полная подписная сумма, въ полученіи каковой немедленно выдаются квитанціи.

Изданіе будетъ печататься только въ такомъ количествѣ экземпляровъ, какое потребуется для удовлетворенія подписчиковъ, почему желающихъ имѣть „Русскій біографическій словарь“ просить ускорить подпискою.

Требованія адресуются такъ: Курскъ, Павлу Антоновичу Ромашкевичу, учителю гимназій.

Издатель Словаря П. А. Ромашкевичъ.

ЦѢНА ЗА ФУНТЫ 1 Р. 20 К.

ВО ИЗВѢЖАНІЕ ПОДЪЛЪЮКЪ.

ШКОЛАДЪ РЕДАКЦІИ

УПОТРЕБЛЕНІЕ КОЕГО ПРИНОСИТЪ НЕСОМНѢННУЮ ПОЛЬЗУ, МОЖНО ПОЛУЧАТЬ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО У ГЛАВНАГО АГЕНТА

А. Д. ШТУММЕРЪ ВЪ МОСКВѢ,

Ниже-Кисельный, переулокъ, домъ Шугаева.

ТРЕБОВАНІЯ ИСПОЛНЯЮТСЯ СЪ ПЕРВОЮ ОХОТЛИВЕНО ПОЧТОЮ.

ЦѢНА ЗА ФУНТЫ 1 Р. 20 К.

При семъ прилагается № 4-й Оффиціальный отдѣла.

Редакторъ протоіерей

Типографія Л. О. Снегирева

Цензоръ

В. Рождественскій. На Остоженкѣ, Савеловскій пер., д. Снегиревой. Архимандритъ Амфилохій.